

ВАЛЕРИЯ ШАТАЛОВА
ДАРЬЯ УРБАНСКАЯ

КОСТРЫ ИЗ
ЛАВАНДЫ И ЛЖИ

Валерия Шаталова

Костры из лаванды и лжи

«Автор»

2023

Шаталова В.

Костры из лаванды и лжи / В. Шаталова — «Автор», 2023

Ретеллинг "Джейн Эйр". Женя работает в библиотеке и все деньги отдает своему дяде, приютившему её после смерти родителей. Он помешан на мистике, но дело не приносит ему особой прибыли. Так что Женин доход — единственный источник их существования. В личной собственности у девушки лишь старый диван на кухне «хрущёвки» да тайник в подъезде с мобильным и скромными финансовыми накоплениями «на будущее». Когда в серые будни врывается череда досадных неудач, Женя бросает всё и сбегает во Францию, откликаясь на внезапное, но очень заманчивое объявление о работе. Однако выясняется, что безмятежная красота Прованса молчаливо хранит тайны, которые лучше не тревожить.

© Шаталова В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Курьер от хромого бога	5
2. Рабство с французским акцентом	10
3. Блудница в библиотеке	17
4. Потомственный маг света	24
5. Как обаять экстрасенса	31
6. Архив или бордель	36
7. Джинсы цвета фуксии	43
8. Реквием по надеждам	49
9. Тайны прошлого	54
10. Конфуз с котятами	61
11. Ночной перфоманс	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Валерия Шаталова, Дарья Урбанская

Костры из лаванды и лжи

1. Курьер от хромого бога

Стройные ряды пышных кустов, усыпанных мелкими фиолетовыми цветами, тянулись до самого горизонта и утопали в багрянце заката. Негромко стрекотали невидимые цикады, словно мурлыкали на ухо нежную колыбельную. Лёгкий ветерок окутывал сладким ароматом лаванды, теплом летнего вечера и сказочной атмосферой Прованса. Тихо, умиротворенно, хорошо...

Внезапно в спину ударил порыв ветра. Раскалённый, опаляющий, злой. Женя испуганно оглянулась: поле, прекрасное ещё минуту назад, было объято огнём. Он неумолимо надвигался, гудел и плевался искрами, оставляя после себя чёрную выжженную землю, пепел и уродливые остовы некогда благоухающих кустов. Лавандовые веточки корчились в пламени, дрожали и как будто тянулись к ней в отчаянии и безмолвной мольбе. Вместо дивного аромата в нос забивался отвратительный запах гари. Развернувшись, Женя побежала. Но чем быстрее она мчалась, тем сильнее опаляло спину жарким дыханием разбушевавшейся стихии.

– Помогите! – прокричала она. – Я здесь!

Глаза слезились от едкого дыма, каждый новый вдох давался всё труднее. Женя упорно неслась вперёд, закрыв рукавом лицо, но лавандовые ряды всё также тянулись к горизонту.

– Помогите! Помогите!

– Хватит орать! Весь дом перебудешь! – врезался в сознание знакомый голос. – Того и гляди, соседи участкового вызовут! Вставай давай, тебе на работу пора.

Раздался звук льющейся из крана воды, а затем наполненный чайник с грохотом опустился на электрическую конфорку.

– Вставай, говорю. И на завтрак сегодня никаких яиц, у меня от них чакры тускнеют. А после тебя на кухне и так энергетика тяжелая... – заворчал дядя Костя.

Женя дождалась, пока он выйдет за дверь кухни, бывшей по совместительству и её спальней, и только потом распахнула глаза. Сердце колотилось, перед взором по-прежнему мелькали страшные картины мёртвого обгоревшего поля и надвигающейся стены огня, но она не произнесла ни звука, пока дребезжание дядинога голоса не стихло в коридоре. Затем она уткнулась лицом в подушку и еле слышно застонала, давая выход скопившемуся в груди едкому ужасу. На кухне витал сладковатый аромат лаванды, прямо как во сне. Дядя вчера разложил на подоконнике бледно-лиловые веточки для травяных саше, так что за ночь вся кухня пропиталась приторным запахом, который теперь вызывал лишь тошноту.

В ванной Женя умылась ледяной водой в попытке смыть отголоски ночного кошмара. В зеркале над раковиной отражалось её побледневшее лицо, в золотисто-карих глазах по-прежнему стоял испуг. Тёмно-рыжие волосы сбились в воронье гнездо – верный признак того, что она беспокойно вертелась в постели.

Она наспех привела себя в порядок, собралась, подхватила сумку и выскочила в прихожую, где едва не налетела на дядю Костю. Стоя перед трельяжем, он тщательно причёсывал жидкую бородку полированным деревянным гребнем и умащивал её пахучим косметическим средством. Из-под короткого синего халата, расшитого золотыми звёздами, словно мантия звездочёта, торчали мосластые колени.

– Мне сегодня пораньше нужно, – опередила она поток недовольных вопросов. – Максим написал, что заболел, а нам партию новых книг привезти должны. Нужно принять, проверить всё, накладные подписать...

Она тараторила, торопливо застёгивая ремешки на стоптанных босоножках. Понимала, что стоит замолчать, на неё обрушится поток нравоучений. На самом деле никакой Максим с утра, конечно, не писал, но ей просто необходимо было вырваться из удушающей атмосферы их квартиры. Женя знала каждое слово, что дядя Костя мог ей сказать. Ведь именно так проходило одно утро за другим: иван-чай без сахара, без лимона... овсянка... изредка по одному варёному всмятку яйцу... разговоры о пользе завтрака, балансе души и тела, гармонии со вселенной... и список заданий на день – когда прийти, что купить, где прибраться.

Женя выскочила на лестничную площадку, лифт ждать не стала, вместо этого побежала по ступеням вниз.

– Небольшая разминка с утра, – крикнула она дяде, закрывающему за ней дверь, а про себя добавила: – «Явно полезнее занудной лекции».

– Проси сверхурочные! – донеслось ей вслед. – Не забудь! Вечно тебе за этого Максима перерабатывать приходится!

Помимо наставлений моральных, дядя Костя не забывал и о материальных ценностях. Да и как тут было забыть? Работа дяди – частная магическая практика, как он сам гордо её именовал – приносила мало денег, так что они едва сводили концы с концами. Возможно из-за этого, а может из-за природной скарედности опекуна Женя с детства не видела ни копейки карманных денег. Когда поступила в институт, а позже устроилась на работу, стипендию и зарплату также полагалось отдавать дяде Косте. Естественно, на расходы она получала намного меньше, чем приносила.

В пролёте между седьмым и шестым этажами Женя притормозила и прислушалась. Убедившись, что дядя уже захлопнул дверь, а никого из соседей нет поблизости, она торопливо свернула на лестничную площадку. Узкое пространство между квартирами было заставлено хламом, с которым хозяева не желали расставаться. Одну стену подпирали покосившийся комод, а над ним на двух крюках был подвешен ржавеющий велосипед. На другой стороне прохода стоял узкий шкаф, битком набитый пакетами со старой одеждой. К нему Женя и направилась, воровато оглядываясь по сторонам.

Если наклониться поближе и посветить фонариком, то можно было заметить, что задняя фанерная стенка шкафа разбухла от сырости и отошла в сторону. Туда Женя и просунула узкую ладонь, вынимая из тайника небольшой тканевый мешочек. В нём оказались выключенный смартфон и кошелек с картами, наличными и старыми фотографиями. Бросив всё в сумку, Женя продолжила спускаться, решив, что на всякий случай безопаснее будет включить телефон уже в автобусе (вдруг дядя выглянет в окно), хотя её так и тянуло проверить почту и новые сообщения в соцсетях.

«Вдруг Макс и правда что-нибудь написал?»

Дядя Костя был ярым противником современной техники, говорил, что излучение от неё забивает ему энергетические каналы. У них даже телевизора дома не было, не говоря уж о компьютере. А интернет, вероятно, и вовсе представлялся ему какой-то дьявольской штукой. Он бы и мобильный Жене не стал покупать, но желание постоянно контролировать племянницу пересилило, и в старших классах школы девочка стала обладательницей самого дешевого кнопочного телефона. Сколько насмешек одноклассников ей пришлось вынести из-за той допотопной мобилки! Сам же Константин Игнатьевич пользовался стационарным дисковым телефоном – считал, что от него негативных излучений в разы меньше.

Так что едва начав тайком подрабатывать – брать небольшие переводы с французского, Женя первым делом накопила денег и купила себе нормальный современный смартфон. Хранить дома всю эту контрабанду она не смела – дядя, совершенно не стесняясь, регулярно обыскивал все её вещи. Разве что под юбку не заглядывал, и на том спасибо. Поэтому кое-что приходилось прятать в тайнике на лестнице, а что-то запрещённое – например, черновики с переводами – оставлять на работе в библиотеке.

Утро, начавшееся с кошмарного сна, словно задало настроение всему дню. Любимая кофейня, где изредка она, наперекор дяде, позволяла себе стаканчик латте, сегодня встретила вывеской «Технический перерыв». В автобус Женя вбежала одной из последних и осталась стоять на ступенях, упираясь лопатками в дверь. До самой работы пришлось ехать наглухо утрамбованной шпротиной и дышать спёртым воздухом с примесью отдушек дезодорантов и духов а-ля «Красная Москва».

В библиотеку Женя вошла злая и голодная и тут же напоролась на заведующую, Тамару Владимировну, выслушала ворчание пожилой дамы в адрес как сотрудников, так и читателей, и отчего-то вдруг обзавелась расширенным кругом обязанностей:

– Пётр Самойлов, известный драматург Самары, изъявил желание устроить в нашей библиотеке литературный вечер. Будь добра, собери про него подробную информацию, организуй всё, как положено. Объявления дай в соцсетях, договорись с Петром о точной дате, ну ты поняла. А если что-то неясно, уточни у Максима.

– Но Тамара Владимировна! Мне же ещё с картотекой нужно разобраться. Вы вчера говорили...

– Вот и делай, что говорила. Расторопнее надо быть, Евгения. Не заставляй меня жалеть о том, что я уступила просьбе Константина Игнатъевича и взяла тебя на работу. А могла, между прочим, другую девушку принять, с опытом.

– Извините, Тамара Владимировна, – Женя виновато опустила голову. – Я всё сделаю.

– Вот и славненько. Ах да, к девяти подъедет курьер с партией романтической прозы. Накладные сверь, подпиши, в картотеку внести не забудь.

«Да чтоб я ещё хоть раз пришла на работу пораньше», – подумала Женя и, обречённо вздохнув, поплелась в отдел комплектования. Спорить не было смысла. До Жени доходили слухи, что Тамара Владимировна на старости лет пережила тяжёлый развод с судами и разделом имущества, и вот теперь находила своеобразную отдушину в работе, во всю пользуясь полномочиями заведующей.

Курьер опаздывал уже на добрых полтора часа. Женя периодически заглядывала в «Яндекс.пробки» – карта города светилась зелёным, но на все звонки посыльный твердил одно и то же оправдание: «Час-пик, дороги забиты». При этом на заднем фоне отчетливо слышался людской гомон, жужжание кофемашины и приветливое: «Вам с сахаром?»

Пока курьер неспешно наслаждался завтраком, Тамара Владимировна отрывалась на подчинённых, придумывая дополнительные поручения любому, кто попадался ей на глаза. А поскольку кабинет начальства располагался напротив отдела комплектования, Жене в это утро особенно «везло». Впрочем, и опоздавшему Максиму тоже досталось. Она слышала, как Тамара Владимировна ругалась на него по телефону и дала час, чтобы тот явился на работу, ещё и штрафом пригрозила.

– Ах, пробки? Вставать надо раньше! – рявкнула заведующая и бросила трубку.

Макс, видимо, тоже использовал классическую отговорку. Однако он уложился в тридцать семь минут и, шурша бумажным пакетом, первым делом забежал к начальству. Жене достался лишь шлейф аромата свежей выпечки.

«Интересно, что на этот раз? Эклеры или маковые булочки? Вот умеет же Макс! Раз-раз: заболтал, угостил и штраф обнулил. Эх...» – с тоской подумала она.

Когда у служебного входа припарковалась машина, Женя открыла дверь и застыла на месте, вцепившись в ручку. Во рту моментально пересохло, а на лбу наоборот выступила испарина. Прямо перед её глазами, на боку «Газели», красовался логотип местной службы доставки «Гефест» – объятая пламенем греческая сандалия с крылышками. Видимо, имелось в виду, что курьеры мчались так быстро, что подметки горели.

Женя закрыла глаза, медленно втянула в себя воздух и мысленно сосчитала до десяти. Сколько она себя помнила, вид огня, даже нарисованного, пугал её до ужаса.

«Не думать об этом, не думать... Лучшие о другом. Вот, например... Сандалии же у Гермеса были, а не у Гефеста. Перепутали они что ли?»

– Авария на трассе, – беспечно пожал плечами водитель, вылезая из кабины. Похоже, он воспринял напряжение, отразившееся у Жени на лице, на свой счёт.

«Вот брехло!»

В отличие от Максима представитель логистической компании «Гефест» обходительно не обладал. Мало того что опоздал, так ещё и сгрузил все коробки на асфальт у служебного входа.

– Внесите, пожалуйста, внутрь, второй кабинет по коридору, на стол у окна, – попросила Женя, старательно отводя взгляд от оранжевых языков пламени на боку автомобиля.

– Доставка только до двери.

– Но...

– Вот здесь подпишите, – сунул он ей стопку помятых с одного края листов.

– Подождите, но как же... – она беспомощно устала на восемь коробок с книгами и предприняла ещё одну попытку: – Вы не могли бы всё же занести их. Пожалуйста.

Артём, как было написано на бейдже, покачал головой:

– Мне за это рубликов сверху не накидывают. Так что если очень надо – то по сотке за коробку. Идёт?

Женя с тоской подумала, что к Тамаре Владимировне с вопросом о дополнительных расходах соваться нельзя, за такое светит скорее штраф, чем сумма из бюджета.

«Но не из своего же кармана мне доплачивать? Ну уж нет!»

Если у Жени появлялись лишние деньги, то они тут же отправлялись на карточку, которую она про себя называла «Билет в будущее». Благо, дядя Костя сторонился современных технологий, в то время как Максим, напротив, научил пользоваться банкоматами и онлайн переводами. Так что заветный смартфон хранил доступ не только к социальным сетям и интернету, но и к банковскому мобильному приложению.

«Да что ж сегодня за день-то такой! И Макс так некстати ушёл с поручением в бухгалтерию, а он бы обязательно помог всё перетаскать...»

Женя с трудом подняла ближайшую коробку и понесла её в библиотеку.

Никогда ранее она не замечала, что порог в помещении комплектования высотой сантиметров пять, не меньше. Через некоторое время к ушибленному мизинцу на ноге добавился удар плечом о косяк и ощущение полной никчёмности.

«Прав был дядя Костя, когда говорил, что я слабая и бесполезная. Дурацкую коробку донести не могу. А их там ещё семь!»

Выйдя на улицу, Женя обнаружила Артёма весело болтающим по телефону. Когда она взялась за следующую коробку, курьер чуть отодвинул телефон от уха, нахально ухмыльнулся и предложил:

– Может на пятихатке сойдемся?

После шестой ходки Женя была готова заплатить не пятьсот, а пять тысяч рублей только за то, чтобы Артём сел уже в свою машину и убрался куда подальше. Но денег на такую роскошь не было. Между лопаток зудело от его насмешливого взгляда, а уши горели из-за скабрёзных комментариев в её адрес.

– Отзыв на него напишу! Отрицательный! На официальном сайте! Пусть все узнают, что за вымогатели работают в «Гефесте». Никакого профессионализма, никакого элементарного уважения, – бурчала она себе под нос, затаскивая очередную коробку в помещение. – Я уж не говорю о том, что называть службу доставки именем хромого бога – просто идиотизм... Ай!

Женя едва не пнула от обиды дверной косяк, в который снова врезалась. Поставив на стол тяжёлую ношу, она свела ладони перед грудью, глубоко вдохнула через нос, и медленно, с усилием втягивая живот, выдохнула. Потом развела руки в стороны, словно обнимая воз-

дух, сосредоточилась, стараясь уловить незримые эманации светлой энергии... Увы. То ли её чакры были намертво заблокированы, то ли она так и не усвоила уроки дяди Кости, но успокоиться никак не получалось. Плечо ныло, блузка неприятно липла к вспотевшей спине, поясницу болезненно тянуло.

– Ладно, ещё одна коробка. Последняя, – подбодрила она саму себя, толкая дверь на улицу. – Самая последняя и всё на это... А-а-а!

Огонь взметнулся перед лицом, стирая окружающий мир. Трескучий жар поглотил все звуки, оставив лишь гул пламени, грохот падающих балок, истошные человеческие крики... Женя зажала ладонями уши и повалилась на колени, не зная, куда бежать – вокруг бушевала разъярённая стихия.

– Помогите, – прохрипела она, ощущая как на зубах скрипит пепел. – Помогите, я здесь...

2. Рабство с французским акцентом

– Тихо, тихо! Всё в порядке.

Знакомый голос пробился в сознание и стал путеводной нитью, возвратившей Женю в реальность. И не было сейчас ничего дороже той теплоты, с которой Максим поглаживал её по плечу. Лёгкий аромат грейпфрута, исходивший от него, хотелось вдыхать снова и снова, лишь бы никогда больше не чувствовать удушливую гарь.

Женя опустила ладони и затравленно огляделась.

Максим сидел рядом на корточках и с обеспокоенным видом заглядывал ей в глаза. Солнце светило ему в спину, обрамляя ореолом света угловатые плечи и золотя отросшие русые волосы, которые он сегодня не стал собирать в хвост.

Рядом с ошарашенным видом стоял тот самый курьер «Гефеста», дымящаяся сигарета подрагивала у него в пальцах левой руки, а правой он нервно щёлкал металлической крышечкой зажигалки. Чуть поодаль, у машины, любопытными сусликами замерли две проходившие мимо старушки. Сама Женя сидела на последней оставшейся на улице коробке с книгами, и та подозрительно прогнулась под её весом. Вокруг валялись разбросанные листки накладных.

– Что... – Женя откашлялась. – Что случилось?

– Это ты мне скажи, – Максим нахмурился и встал, складывая руки на груди. – Ты так кричала, словно тебя заживо в котел с кипящим маслом опустили! Из бухгалтерии было слышно.

– Я не знаю... – пробормотала она. – Огонь... мне словно в лицо полыхнуло... и я...

Она смутилась и замолчала, уставившись в асфальт перед собой.

– В лицо, говоришь? – Макс внезапно метнулся к курьеру и, схватив его за футболку, прижал к стене. – Ты что сделал?!

– Я? – удивился парень и непроизвольно перевёл взгляд на руку с зажигалкой.

– Ты зажигалкой ей что ли в лицо ткнул?!

– Эй, чувак, руки убрал! – возмутился Артём и грубо высвободился из захвата, оттолкнув Макса. Демонстративно поправив одежду, он добавил: – Что я, совсем что ли дебил? Прикурил просто, вот тут в сторонке, а она как давай верещать на всю улицу.

«Брехло-о-о», – подумала Женя и тяжело вздохнула. – «К чему эти разбирательства? И так понятно, кто в итоге окажется виноват. Как обычно...»

Она снова уставилась под ноги, а пальцами потянулась к пуговице на блузке и стала её нервно крутить. Это привычное действие успокаивало, правда, пуговицы частенько приходилось пришивать заново.

– Вот именно, – зло прошипел Макс, стоя перед курьером. – Ты – дебил. Нельзя людей пугать! С «Гефестом» наша библиотека больше сотрудничать не будет. Так и передай своему руководству.

– Взаимно. К вашему руководству у меня тоже претензии! – огрызнулся курьер и забрался в кабину «Газели». – Понаберут по объявлению всяких чокнутых!

– Сам ты чокнутый! – возмутился Максим. – У неё пиробобия!

– Да хоть хренофобия... – он перевёл взгляд на Женю, демонстративно покрутил пальцем у виска и завёл двигатель. – Лечить кукушку надо, припадочная!

Громко хлопнув дверью, Артём вдавил педаль газа и умчался прочь.

На несколько минут воцарилась тишина. Затем Максим со злостью пнул камушек в направлении наблюдающих за сценой старушек, как бы намекая, что концерт окончен.

– Не слушай ты этого придурка, – он подошёл и протянул Жене руку. – Сейчас пойдём, кофейку выпьем. Я для тебя вафли из кондитерской захватил. Венские, как ты любишь. Ну? Идём?

Женя благодарно кивнула и даже нашла в себе силы улыбнуться. Она поднялась с коробки и опёрлась на предложенный локоть. Но стоило ей развернуться к двери, как улыбка тут же сползла с её лица. Кажется, у позорной сцены имелся ещё один зритель...

– Евгения... – процедила стоявшая на пороге Тамара Владимировна. – Живо. В мой Кабинет.

После напряженного разговора с заведующей – одного из самых неприятных в жизни, а ей было с чем сравнивать – Женя еле досидела до конца рабочего дня, с каждой минутой лишь сильнее погружаясь в уныние. Ко всем прочим проблемам после панической атаки у неё разыгралась жуткая мигрень. Вернувшись вечером домой, она старалась зайти в квартиру как можно тише. От всей души надеялась, что дяди нет дома, или он занят с клиентом, и тогда она сможет закрыться в ванной и разложить карты, пытаясь найти объяснение сегодняшней ситуации, а заодно и понять, как быть дальше.

Но провидение явно было не на её стороне. Едва замок за спиной щёлкнул, отсекая путь к бегству, Константин Игнатьевич, как по волшебству, материализовался в прихожей. И выглядел он недовольным, как людоед на веганской пирушке. Его борода, щедро сдобренная маслом пачули, свисала с подбородка острой сосулькой, угрожая жирными пятнами его любимому халату.

«Вышел меня встретить, даже не закончив с марафетом? Что-то определённо случилось... Ой, не-е-ет! Нет, нет, нет! Неужели Тамара Владимировна ему уже позвонила?!»

– Евгения, что это такое?!

Вместо приветствия дядя с брезгливым видом потряс перед её лицом исписанными листами в клеточку.

«Меня что, сегодня кто-то проклял? Просто «отличное» завершение «отличного» дня».

Женя вздохнула и принялась разуваться, чтобы собраться с мыслями.

«И как же меня угораздило забыть дома тетрадь с переводом?! Ладно... Мыслить позитивно. Мыслить позитивно. Спасибо, что не звонок заведующей».

– Это мои старые записки с французским, дядь Кость, где ты их нашёл? – попыталась она выкрутиться, не признаваясь про подработку.

– Я же запретил тебе учить этот проклятый язык, – в его голосе прорезались визгливые нотки. – Ещё не хватало, чтоб ты пошла по стопам своей мамы. Достаточно она зла принесла нашей семье, шлюха французская. Брата моего со свету сжила, тебя сиротой оставила.

– Я и не учу больше, – Женя покорно отвела глаза.

Хотя всё внутри у неё переворачивалось от сказанного про маму, она знала, что лучше не перечить, а перетерпеть. Дядя выпустит пар и успокоится. Время подростковых бунтов, когда она пыталась отстоять доброе имя давно погибшей матери, которую даже не помнила, осталось в прошлом. Теперь у неё был план, и чтобы его осуществить, нельзя поддаваться на провокации. Особенно после того, что произошло сегодня.

– Чтобы я этой мерзости больше не видел! – дядя у неё на глазах демонстративно разорвал тетрадь на несколько частей, швырнул обрывки на пол и, развернувшись, процедил через плечо: – Как приберешь тут всё, накрывай на стол. Хочу успеть поужинать, в семь придёт клиента.

Под брюзжание, нравоучения и поминания психо, забивающего каналы тёмной энергетикой, Женя хлопотала по дому и отсчитывала минуты до прихода очередной любительницы узнать своё будущее раньше положенного срока. Как раз думывала полы в прихожей, когда вновь появился разозлённый дядя Костя. Теперь он был одет, как и подобает к этому часу – в белую шелковую рубашку и расшитую серебристыми рунами жилетку, которые он надевал к приходу особо важных клиентов – постоянных или платёжеспособных. А вот выражение его лица не сулило ничего хорошего. И вновь он злобно тряс листками. Сначала Женя даже не поняла – вроде бы остальные переводы остались на работе. Но присмотревшись, поникла. Это

были измятые страницы «Из рук в руки» – газеты, которую она купила на остановке по пути домой и в которой, пока ехала в автобусе, отмечала интересные вакансии.

«Снова копался в моей сумке... Когда же я перестану наступать на одни и те же грабли?»

– Как ты это объяснишь? – рявкнул он.

– Просто посмотрела вакансии, какие есть предложения сейчас. Вдруг где-то условия получше, оклад повыше.

– Да куда тебя, бестолковую, возьмут-то? Я с таким трудом выбил для тебя место в библиотеке, а ты? Неблагодарная!

– Но дядя Костя! – осмелилась возразить Женя. – Там ведь зарплата небольшая.

– Но она хотя бы есть! Здесь и сейчас. А что будет, когда ты провалишь испытательный срок на новой работе? Где, – он откашлялся и добавил в голос высокие нотки, пытаясь спародировать Женю: – где условия получше и оклад повыше.

– Но...

– Что тогда, Евгения? На шее моей сидеть будешь? Бес-тол-ко-вая! – отчеканил он, выделяя каждый слог, а затем разорвал газету на клочки и бросил на только что вымытый пол. – Заканчивай тут и иди вниз.

Без десяти семь Женя вышла из квартиры и по ступенькам побежала на первый этаж – домофон уже года три не работал, так что спускаться и встречать дядиных посетителей входило в её обязанности. Она выскочила из подъезда и полной грудью вдохнула воздух летнего самарского вечера – выхлопы автомобилей и тонкий запах флоксов с клумбы... Всё лучше, чем искусственные благовония аромадиффузора.

Элегантная дама лет сорока вышла из подъехавшего такси и коротко кивнула Жене, позволяя проводить себя в «кабинет» к Константину Игнатьевичу. Клиентка брезгливо поморщилась в стареньком лифте, от тапочек отказалась одним лишь надменно-возмущённым взглядом и прошествовала на сеанс, оставляя шпильками цепочку округлых вмятин на стареньком линолеуме, постеленном ещё при Хрущёве.

«Клиентка определённо из очень дорогих. Элитная».

Этот факт радовал – недовольство дяди Кости будет компенсировано денежным эквивалентом, а это давало шанс окончание дня провести в тишине и покое.

Женя заварила себе чай из пакетика, который стащила с работы. Воровато кинула в кружку аж два кубика сахара и зажмурилась от удовольствия.

«И пусть все проблемы подождут за пределами этой кухни. А здесь только я, аромат бергамота, и сладкий чай, запретный, но такой вкусный».

Остаток вечера и правда прошёл тихо. Клиентка ушла, дядя не показывался из своего кабинета, который одновременно являлся и его спальней. Так и не решившись раскинуть таро для себя, Женя расстелила постельное бельё на узком диванчике в кухне, забралась под тонкий плед. Стрелка часов над столом едва приблизилась к десяти, но негативная аура прошедшего дня так давила, что Жене не терпелось оставить все позади. Она вытянулась, чуть разведя руки и ноги в стороны, насколько позволяла ширина дивана, и сосредоточила внутренний взор на ступнях, мысленно расслабляя их, затем плавно перешла к голням, икрам...

Резкий визг звонка заставил её подскочить. Женя едва не рухнула с дивана, а в районе голеностопа что-то подозрительно щелкнуло.

– Открой! – крикнул из спальни дядя.

– Сейчас, минутку, – отозвалась она, суетясь, пытаясь одновременно растереть ногу и одеться. – Я уже легла.

Звонок повторился снова, а рука никак не попадала в рукав блузки.

«Да что ж такое!»

Хлопнула дверь дядиной комнаты, в коридоре раздались шаркающие шаги, затем лязгнул замок... Женя обречённо замерла – снова испортила ему настроение.

– Константин Игнатьевич, миленький, доброго вечера, – послышался лебезящий голос Розы Ильиничны, соседки из сорок пятой квартиры. – Прошу прощения за столь поздний визит, но я совсем не могу уснуть.

– Сонный сбор нужен? Сейчас посмотрю, кажется, у меня оставался мешочек...

– Ой, спасибо, конечно. А я всегда говорила, что ты добрейшей души человек, Константин Игнатьевич. Но, понимаешь, дело в запахе. Накурено у нас в подъезде. Чувствуешь? Эта дама, что от тебя вышла, долго потом на ступеньках сидела, слёзы лила да дымила без конца.

– Расклад у неё не очень хороший, Роза. Есть над чем горевать.

– Я-то понимаю. Но окурки по всей площадке раскидывать – тоже не дело. И салфетки вон. Безобразие.

– Хм, странно. Я ведь просил Евгению прибраться в подъезде.

«Не просил!»

– Ну как видишь...

«Не говорил он мне прибраться в подъезде!»

Женя так и представила себе, как Роза Ильинична разводит руками и недовольно кривит губы.

– Вот девка непутёвая! – посетовал дядя Костя. – Вырастил на свою голову.

«Да как же? Да я...»

– Ох, ты бы поостороже, что ли, с ней. Молодёжь-то, знаешь, какая нынче пошла. Наглая, ленивая и невоспитанная...

Жене, как и той клиентке, захотелось сесть на ступеньку в подъезде, прислониться лбом к окрашенной стене и рыдать от несправедливости и навалившихся неурядиц. От того, что и ей в жизни выпал такой неудачный расклад. Но вместо этого, глотая обидные слёзы, она отправилась на лестничную клетку убираться.

Следующее Женино утро на первый взгляд ничем не отличалось от предыдущего: торопливый подъём, дядины нравоучения. Но она знала, что хоть тот вчерашний дурной сон про горящее поле лаванды и истаял при свете солнца, впереди её ожидал другой кошмар наяву – рабочий день. Так и случилось. Тамара Владимировна не упускала ни одной возможности напомнить Жене про позорный инцидент с курьером. Она зудела, и стыдила, и обливала презрением, и, конечно, не забывала давать всё новые и новые поручения. В конце концов Женя позорно сбежала в читальный зал и притаилась между стеллажей с книгами в районе секции с детективами, пытаясь выгадать себе хоть десять минут спокойствия. Там её и нашёл Макс.

Он заговорщически огляделся по сторонам и протянул ей несколько листков с напечатанным текстом:

– Вот, держи, втихаря пустил на принтер, пока Грымза Владимировна чайной ложечкой выедала твой мозг.

– Что это? – прошептала Женя, пробегая глазами по незнакомым названиям.

– Как что? Подходящие вакансии. Я вчера весь вечер в интернете сидел, – Максим тоже понизил голос.

– А, спасибо, – без энтузиазма произнесла Женя и, свернув бумаги, убрала в карман юбки. – Я вчера тоже купила газету с объявлениями.

И она вздохнула, вспомнив, какая участь постигла ту несчастную, ни в чём не повинную газету.

– Да погоди ты, не убирай! – возмутился Макс. – Посмотри последний лист – там реально не вакансия, а вишенка на торте. Идеально подходит тебе!

И он почему-то изобразил, как целует сложенные щепоткой пальцы и на французский манер произнёс «О-ля-ля!».

А пока Женя послушно разворачивала листы, парень запоздало фыркнул:

– Господи, газета с объявлениями! Ты в каком вообще веке живешь? Ещё бы по веревке с узелковым письмом работу новую искала.

Женя проигнорировала подначку, вчитываясь в текст, которой неожиданно оказался на французском.

– Что это? – снова повторила она, как болванчик.

Слова по отдельности были понятны... музей... архив... переводы... но в общую картинку складываться отказывались.

– Как что? Работа во Франции. Специально искал в твоём Провансе. Текст я через переводчик прогнал – бумажки нужно перебирать в архиве. Это ты умеешь, язык знаешь.

– Но... Максим, – листок в её руках дрогнул, – Ты... Ты хочешь, чтобы я уехала?

– Ну конечно! Сейчас для тебя так будет лучше.

– А как же... мы... – она шмыгнула носом, готовая вот-вот расплакаться.

– Жень, ты чего расстроилась-то? Есть же скайп, телефоны, соцсети. Переезд – это не конец общению.

– Правда?

Максим усмехнулся и вдруг раскинул руки в разные стороны:

– Большой мир – большие возможности, детка, – продекламировал он не своим голосом, а потом по-хулигански подмигнул: – Классное предложение. Реально. И жилье предоставят, и оклад солидный!

– М-м-м... – У Жени немного отлегло от сердца, да и ехать она всё равно никуда не собиралась. Тем более по какому-то объявлению, сулящему золотые горы. – Смахивает на враньё.

– Да брось! Это твой шанс всё изменить! – Его глаза так азартно горели, что Женя в который раз засмотрелась: серо-голубая радужка лишь на первый взгляд казалась обычной. Если присмотреться внимательней, то глаза Макса напоминали предутреннее бледнеющее небо, с тёмной полосой на горизонте и россыпью крохотных золотых звёздочек. – Настоящий реальный шанс, понимаешь?

– А? – она тряхнула головой, пытаясь вновь вникнуть в суть разговора.

– Ну сколько ты ещё будешь выкраивать по копейке на аренду отдельной квартиры?

– Комнаты.

– Не важно. Мы же с тобой считали. Твоих накоплений и на месяц едва хватит. А потом что? Долги, кредиты? Возвращение к ведьмаку твоему?

– Дядя Костя – светлый маг. Он...

– Да блин, Жень, ты слышишь меня, нет? Фран-ци-я..

– Глупости всё это. Меня никто туда не возьмёт.

– С чего ты взяла? Ты ведь даже не попыталась.

– Да я здесь-то справиться не могу. Тамара...

– Плевать на Грымзу. Идём, составим резюме. – Макс решительно потянул Женю за собой меж стеллажей.

Его тёплая рука так крепко и уверенно держала её ладонь, что легко было забыть про все проблемы и просто позволить увести себя куда угодно. Жене пришлось сосредоточиться:

– Резюме действительно нужно, – согласилась она. – Но во Францию я не поеду. Не сейчас. Не так сразу. Мне нужно время. Вот встану на ноги, заработаю.

– Бла-бла-бла.

– Макс, ну правда. Ты торопишь события. Как я буду там? Я же ничего не знаю, знакомых нет. Одна в чужой стране – ужас!

– Это твоя историческая родина, между прочим. Тебе ни виза не понадобится, ни разрешение на работу. От двойного гражданства вон сколько плюшек. Или в этой ситуации правильно говорить – круассанов? – он рассмеялся собственной шутке. – Что скажешь, мадемуазель Эжени Арно? Так ведь у тебя в паспорте написано?

– Так, – кивнула Женя, краснея. – Только ударение на последний слог: Эжени. И теперь принято даже к девушкам обращаться не мадемуазель, а мадам. Нет возрастной дискриминации и всё такое. Но это не важно! Я во Франции не была с детства, после того, как... – она осеклась. – Да я даже как на самолёте летать не знаю! Не могу я поехать! И вообще, странное какое-то объявление. Наверняка подвох есть. Я вот где-то читала, что так девушек молодых заманивают, а потом воруют и в рабство продают.

Макс остановился и закатил глаза:

– У-у-у, как всё запущено. Где твой дух авантюризма? Где импульсивность? Почему так сложно поверить в реальный шанс? Поверить в себя? О! Смотри-ка, как раз в тему.

Он схватил с полки книгу и сунул Жене в руки. На обложке крупными буквами было написано «Древнегреческий для скептиков».

– Вот, скептик – это как раз ты, Жень. А ещё трусиха.

Но Женя лишь упрямо поджала губы, покачала головой и поставила книгу на место.

Настроение по дороге домой было, как обычно, нерадужное. Женя мысленно перебрала список потенциальных причин дядиного недовольства, но вроде бы сегодня всё должно быть в порядке. Зайдя по дороге в супермаркет, она закупила продукты по списку, который получила утром, и, перекосившись на одну сторону от тяжести пакета, направилась домой.

Дяди Кости в квартире не оказалось, и Женя вспомнила, что по средам у него йога. Впрочем, насладиться одиночеством ей не удалось – он пришёл почти вслед за ней. Женя успела только разуться и как раз разбирала на кухне пакет с покупками.

Дядя явно пребывал в приподнятом настроении. Йога вообще каждую неделю творила с ним чудеса. То ли и правда выполнение асан благотворно влияло на его энергетические каналы, то ли всему виной инструктор группы, которая на прощание каждый раз нежно обнимала всех своих учеников, о чём дядя частенько рассказывал с блаженной улыбкой на лице. Мурлыкая себе под нос незатейливый мотивчик, Константин Игнатьевич приветливо кивнул племяннице и утащил со стола яблоко.

В коридоре зазвенел телефон, и дядя, пробормотав «Я отвечаю», вышел из кухни.

«Воистину йога – лучшее изобретение гималайских лам, дай бог им здоровья и долгих лет жизни!»

– Да, привет, Тома, и я рад тебя слышать! Подожди минутку, я посмотрю расписание...

Дядин голос звучал приглушённо. Судя по всему, он прижал трубку плечом, пока листал свой ежедневник с записями сеансов. Но Женя сразу поняла, кто звонит. Они были так давно знакомы, что, конечно же, дядя Костя не называл свою добрую приятельницу и постоянную клиентку Тamarой Владимировной.

Внутри всё похолодело.

– Во вторник, в пять, у меня есть окно. Записываю?

«Может обойдётся? Пожалуйста... Пожалуйста...».

Женя бесшумно подошла ближе к двери кухни, вслушиваясь в разговор.

– Да, конечно, Тома. Согласен. А-а, проблемы на работе?

«Нет, нет, нет. Не говорите ему!»

– Нужно посмотреть твои потоки энергии «Ци». А ты стол-то переставила? Я же предупреждал, что нельзя располагать рабочее место напротив двери. Понимаю, что так лучше видно сотрудников, но ты должна верно расставлять приоритеты. Для стола лучше выбрать северную часть помещения и...

Женя нервно схватила за пуговицу на блузке и принялась её крутить. В глубине души ещё теплилась надежда, что Тамара Владимировна удовлетворится инструкцией по перестановке и не станет развивать тему.

– Ах, не об этом. Так, а что... а-а-а, поиски нового сотрудника предстоят. Что значит, она уволена?!

Нитка, удерживающая пуговицу, оборвалась под звук грохота, с которым дядя Костя швырнул трубку телефона.

– Евгения!!!

3. Блудница в библиотеке

Чашка с успокоительным сбором №12, который трясущимися руками заварила Женя, была с гневным криком разбита о стену. И теперь на светло-серых клетчатых обоях расплзлась уродливая клякса.

– У меня есть ещё две недели, – в сотый раз повторила Женя, осторожно сметая фарфоровые осколки в совок. – По трудовому кодексу. Я найду другую работу.

– Найдёшь, как же, держи карман шире, – зло процедил дядя. Он стоял, опираясь кулаками на стол, сведя брови к переносице и больше смахивал на разъярённую гориллу, чем на мага света. – У тебя карты в перевёрнутом положении! Шут – недостаток опыта, слабый профессионализм, а в сочетании с Двойкой жезлов – бесперспективность!

– Но это старый расклад. Быть может... Может уже поменялось всё. Я в библиотеке почти полгода работаю. И потом, у меня всё же высшее образование.

Константин Игнатьевич качнулся вперёд, затем выпрямился, продолжая буравить её тяжёлым взглядом. Вдруг резко развернулся и вышел из кухни.

Женя выбросила осколки, взяла другую чашку и залила кипятком щепотку ароматных трав. Гладкие фарфоровые бока неторопливо согревали ладони, заледеневшие от нервного напряжения. Не успела она сделать первый глоток, как из дядиного кабинета донеслось:

– Колесо фортуны перевёрнуто – проблемы, отсутствие прибыли. Так, а здесь у нас... Дьявол!

От резкого выкрика Женя подавилась чаем и закашлялась.

– Это как же я проглядел-то? – причитал дядя. – Вот же оно, вот. Колесо фортуны в сочетании с Дьяволом – позорное увольнение. Вот девка бестолковая! Ведьминское отродье! Высшее образование у неё, как бы не так!

Он вернулся в кухню и ткнул пальцем в направлении Жени.

– Поделом, что мамаша твоя сгорела в адском пламени. Это знак провидения! Наследственность у тебя дурная! Оттого ты и боишься огня, это все генетическая память ведьминских предков!

Дядя Костя вплотную подошёл к съёжившейся Жене, выхватил из её рук чашку и шумно отхлебнул.

– Я найду... – промямлила она. – Две недели ещё...

– Отступи на полшага назад, – попросил Максим, – ага, то, что нужно!

Он делал снимок за снимком, то со вспышкой, то без, постоянно менял настройки, выбирал правильные ракурсы. Перед объективом смартфона Женя испытывала робость: смущалась, отводила взгляд в сторону, прятала лицо за стопками книг, что держала в руках. Поначалу она с энтузиазмом восприняла предложение Макса побыть моделью для библиотечных соцсетей. Ради этого он даже отпросил её у Тамары Владимировны, приложив к просьбе коробку с пончиками. Заведующая устоять не смогла.

– Ну когда всё уже? – Женя успела пожалеть о том, что согласилась. Чувствовала себя неловкой деревянной куклой. И от того, что Макс видит её такой, становилось ещё более неприятно.

– Мы только начали вообще-то. После Беляева у нас в списке Уилки Коллинз и Кафка. А перекинь косу вперёд через плечо, а? Вот, супер!

– Какой-то разношёрстный набор, и везде буду я?

– Позвать тебе в пару нашу Грымзу?

– Что?

– А мысль забавная. Так и вижу кадр, где вы стоите, растрёпанные, раскрасневшиеся, и тянете каждая на себя последний экземпляр «Превращения», – он улыбнулся. – Ну как на распродажах девчонки хватают одну и ту же шмотку и...

– Это глупо, – оборвала Женя его фантазии. – Не буду я фотографироваться с Тамарой Владимировной.

– Эй, ну нельзя быть такой серьёзной, Жень. Я ж пошутил.

Она насупилась и принялась расставлять книги по местам.

– Так, понятно, – Максим убрал телефон в карман. – Нам нужно сменить обстановку. Идём.

Он быстро растолкал Беляева по полкам. Женя хотела было возмутиться, что не в том порядке, но потом вспомнила, что ей осталось провести в библиотеке всего-то две недели, а за это время вероятность того, что заведующая углядит оплошность, стремилась к нулю.

«Хотя с моим-то везением...»

Однако Максим уже развернул её лицом к выходу из этой секции и положил руку меж лопаток, несильно подталкивая вперёд. Его уверенное прикосновение отдалось в душе такой нежностью, что хотелось идти с ним куда угодно, лишь бы не разрывать контакта.

– Ну как тебе здесь? – загадочно спросил парень, когда они наконец остановились.

– Эм-м... – Женя недоумённо огляделась. Стеллажи с книгами были точно такими же, как и во всей библиотеке. Ряды цветных корешков убегали вперёд вдоль прохода.

– Это же самое романтичное место во всей библиотеке, – сообщил он, понизив голос.

Она поймала взгляд Макса, всмотрелась ему в глаза. Если он считал это место особенным, то и она согласна. Главное, что он был рядом, спина ещё помнила тепло его руки, запах его парфюма приятно обволакивал грейпфрутовой горчинкой и свежестью. Женя ощутила, как зарделись щёки, а потому поспешно опустила голову и уставилась на синие кеды Макса.

– Эй, ты не туда смотришь. – Он пощёлкал пальцами, вынуждая её поднять взгляд выше. А затем постучал по корешкам книг.

– «Романтическая проза» – прочитала она табличку на стеллаже. – А-а-а...

– Ага, – кивнул он.

И они оба рассмеялись.

– Вот такой ты мне нравишься больше. У тебя красивая улыбка, Жень. И не смей больше её прятать, прикрываясь книгами. Хорошо?

– Хорошо, – снова улыбнулась она.

– Вот и супер. А теперь помоги мне, ладно?

– Эм-м... – Женя вновь озадачилась.

– Мне не для библиотеки, а для моего книжного блога. Хочу марафон ромфанта объявить. А у меня вся лента забита моей патлатой башкой. Надо разбавить девушкой с романтической книгой в руках, и ты для этого идеально подходишь. Рыжая и красивая. И антураж здесь, что надо.

Женя вспыхнула от комплимента и закрыла лицо руками.

– Так, я что тебе говорил? Улыбку не прячем, подбородок выше. Сейчас, где-то здесь была... – Он провёл пальцами по корешкам книг. – Ага, вот. Диалогия «Ампелос», то, что нужно. Ты читала?

– Нет.

– Ну и зря. Там как раз про библиотеку. – Максим выудил из кармана телефон. – Итак, акт второй, действие первое. Жень, плечи-то расправь. Во-о-от.

Он сделал несколько кадров.

– Свободнее. Голову чуть вправо. Ага. Так, не закрывайся. Просто расслабься.

Внезапно Макс перестал фотографировать и оценивающе посмотрел на неё.

– Слушай, так не пойдёт... – Он подошёл почти вплотную и серьёзно произнёс: – Нужно добавить больше страсти, это же ромфант, а не «Преступление и наказание», понимаешь? Не возражаешь, если я?..

Макс протянул руки, осторожно, словно боясь спугнуть, и медленно расстегнул пуговицу на Жениной блузке под самым горлом. А затем ещё одну. И ещё. Женю просто парализовало потоком нахлынувших эмоций. Всё, что она могла делать, это хлопать глазами и беззвучно раскрывать рот. А парень тем временем как ни в чём не бывало проговорил:

– А хочешь расскажу, чем в библиотеке герои этой книги занимались?

– Вот и мне интересно, – раздался позади Макса строгий голос Тамары Владимировны. – Чем это вы тут занимаетесь?

Женя от неожиданности дёрнулась всем телом и врезалась плечом в стеллаж, от чего тот ощутимо зашатался. Макс кинулся придержать книги, готовые посыпаться с полок, и открыл заведующей вид девушки с полыхающими щеками и бесстыже расстёгнутой блузкой. Тамара Владимировна картинно схватилась за сердце и воскликнула:

– Это что ещё за выкрутасы? И суток не прошло, как я тебя уволила, и ты решила, что можно распутством заниматься прямо в стенах библиотеки?!

– Вы всё неправильно по... – начал Макс, но заведующая даже не взглянула в его сторону.

– Какой позор! Какое бесстыдство! – с каждой фразой её голос набирал обороты. – Тридцать семь лет я работаю в библиотеке! И никогда! Слышишь, ты?! Никогда ещё никто не додумался устроить тут бордель...

Сама Тамара Владимировна от негодования тяжело дышала и цветом была похожа на помидор. Казалось, ещё немного и её хватит удар. Женя в ужасе отвернулась и трясущимися руками пыталась застегнуть проклятые пуговицы. Макс растерянно переводил взгляд с одной на другую, совершенно не понимая, в чём причина столь бурной реакции.

– Вон! – наконец взвизгнула Тамара Владимировна. – Чтобы я тебя здесь больше не видела! Путана! И никаких двух недель отработок, завтра же заберёшь трудовую у бухгалтера! Блудница!

Она развернулась и пошла прочь, бормоча себе под нос:

– Господи Иисусе, какой скандал! Какой скандал...

Когда голос заведующей стал неразличим, Женя попыталась боком проскользнуть мимо Макса. Она вжалась спиной в стеллаж, лишь бы лишний раз не соприкоснуться с парнем.

– Эй, ты куда это собралась? – он схватил её за плечо, разгадав манёвр.

– Ты же всё прекрасно слышал, – бесцветно прошептала она, глядя в пол. – Пойду собирать вещи.

– Ну не глупи, Жень... – Максим неодобрительно покачал головой. – Не знаю, чего Грымзу так переклинило, но я всё улажу. Это же в конце концов моя вина. Ты, главное, никуда не сбегай. Дождись моего возвращения. Ладно?

– Ладно, – послушно кивнула Женя, но стоило ему уйти, немедленно направилась к своему столу и принялась складывать в сумку то небольшое, что принадлежало лично ей.

Женя присела на скамейку в сквере неподалёку от библиотеки и спрятала заплаканное лицо в ладонях.

– Ну вот и всё.

«Что бы Макс там ни говорил, сколько бы сладостей ни принёс Тамаре Владимировне, своего решения она не изменит, это очевидно. Будет чудом, если он сможет уговорить её хотя бы не сообщать о произошедшем дяде Косте. Как же глупо вышло! Зачем он только полез? И пуговицы эти проклятые!»

Женя грустила, занималась самоедством, утирала рукавом подступающие слёзы. Злилась то на Макса, то на себя, то снова на него. Время шло, и с каждой минутой ругать себя становилось все более бессмысленно. Тогда она просто зажмурилась, откинулась на спинку скамьи, подставляя лицо полуденному солнцу. Тёплые, ласковые лучи приятно согревали кожу.

«Как может такой прекрасный летний день быть таким ужасным?»

В сумке завибрировал телефон, на экране высветилось изображение Макса. Жене очень нравилась эта фотография – располагающая улыбка; взгляд хитрый, чуть с прищуром; в руке зажат стаканчик кофе, а за спиной виднеется гриф гитары. В этом и был весь он – лёгкий, позитивный, с щепоткой отвязности, которой было ровно столько, чтобы не перейти черту и не встать в один ряд с плохими парнями из книг раздела «Современные любовные романы».

– Жень, сбежала всё-таки! – раздался в трубке его укоризненный голос. – Ты где сейчас? Далеко уехала?

– Да не особо. В сквере я.

– В нашем?

– Угу.

– Отлично! Дуй обратно.

Женя вскочила со скамейки:

– Что? Что она сказала? Меня оставят?

– Не-а, упёрлась насмерть, коза старая. Я только и смог уговорить, чтоб домой тебе не звонила...

Женя поникла и вновь села на скамью, а Макс продолжил уговаривать:

– Да и плевать. На кой тебе эта библиотека сдалась. Но ты всё равно возвращайся! У меня просто бомбические новости!

– Я туда больше не пойду, Макс. Хватит с меня позора.

– Да чего ты как...

– Как кто? Блудница?! – нервно выкрикнула Женя и тут же отвернулась, пристыженная любопытным взглядом проходящего мимо мужчины.

– О-о-о, – протяжно раздалось в телефоне. Макс, наверняка, ещё и глаза закатил. – Жаргон времён динозавров. Жень, давай уже, соберись! Не хочешь приходить, ладно. Тогда я тебе сейчас ссылку на анкету перешлю на почту. Она на французском, а я ни фиги не шарю. Меня хватило только ответ с помощью онлайн переводчика накатать.

– Ты о чём сейчас? – она недоумённо нахмурилась.

– Так об объявлении том, французском. Я от твоего имени откликнулся.

– Максим! – Женя вновь вскочила и стала расхаживать из стороны в сторону. – Ну зачем? Ты не мог...

– Да мог, мог. Вчера написал им. А сегодня они ответ прислали, что готовы рассмотреть твою кандидатуру, но надо чего-то там заполнить. Офигенно же! Только я не понял толком, что там заполнить надо. Куча бланков каких-то. Так что давай уж сама, а то за мой французский тебе потом придётся долго извиняться.

Женя отнекивалась, вздыхала, но в конце концов сделала вид, что согласилась. Через пару минут телефон звякнул, и на экране появилось уведомление о новом непрочитанном письме в почте. Она не глядя смахнула значок и вместо этого открыла сайт с вакансиями.

На самом деле энтузиазма Максима Женя абсолютно не разделяла и уезжать из страны не собиралась. Но этот звонок её немного встряхнул. Выбрав несколько подходящих вакансий, она стала обзванивать компании и остаток рабочего дня потратила на посещение офисов. К дому Женя подошла измотанная и совсем поникшая. Всё же четыре отказа из четырёх. Завтра она, конечно, продолжит поиски работы, но в голове уже привычно зудела мысль, что она действительно никчёмная и бесполезная.

Как только она открыла дверь в квартиру, в нос ей ударил сладкий цветочный запах. Женя вспомнила ярко жёлтую этикетку эфирного масла: «Иланг-иланг – лучший помощник во всех случаях, связанных со стрессом, тревогой. Ему по плечу любая нервозность и раздражительность». Вот только чересчур удушливый запах успокоению никак не способствовал. То ли дядя снова перепутал пропорции и накапал в ароматодиффузор слишком много масла, то ли Женя уже переступила черту безнадёжности. Единственным её желанием было не лечь и расслабиться, а открыть все окна и как следует проветрить квартиру.

Прошмыгнув мимо дядиного кабинета, откуда доносились приглушённые голоса, Женя вошла в кухню и открыла форточку. Деревянная рама с громким щелчком распахнулась, впуская летний ветерок. Дышать стало чуть легче.

– Евгения! Ты пришла? Зайди ко мне, – крикнул дядя Костя.

Странно, ведь он никогда прежде не вызывал её во время работы с клиентами. С дурным предчувствием Женя толкнула дверь кабинета. Привычный полумрак давил концентрированным запахом благовоний и тяжёлым присутствием Константина Игнатьевича. А вот subtilный мужчина в светлой рубашке с коротким рукавом, напротив, с интересом осмотрел Женю сверху до низу и радушно улыбнулся. Но улыбка вышла какая-то масляная.

– Подходит, – кивнул он, вместо приветствия, – беру.

– Вот и чудно, – дядя Костя пожал руку клиенту. – Евгения заканчивает работу в библиотеке через две недели.

– Но уборщица мне нужна уже сейчас, – возразил мужчина. – Я не могу столько ждать. *«Уборщица?!»*

Внутри вспыхнуло негодование.

– Дядя Костя... – начала было Женя, но тут же была остановлена взмахом руки.

– Хорошо, хорошо, – поспешно закивал он посетителю. – Я улажу этот вопрос.

– Но дядя Кос...

– Сейчас я сделаю один звонок. А вы пообщайтесь пока.

Он шаркнул стулом, поднимаясь из-за стола. Проходя мимо Жени, ощутимо подтолкнул её в сторону клиента. Затем в коридоре заскрежетал диском стационарного телефона.

«Он что, Тамаре Владимировне звонит? О, нет! Только не это!»

– Я Леонид, – представился подошедший ближе мужчина, протягивая ладонь для рукопожатия.

Женя робко вложила свою руку, но всё её внимание было приковано к разговору дяди и заведующей.

– Ой, что сейчас будет, – случайно прошептала она вслух.

– Не сейчас. Ты мне в субботу нужна. В моём клубе планируется грандиозная вечеринка. Я называю это «ночь пик». Танцы до утра, разбитая посуда, разлитые напитки, ну ты понимаешь, что такое отвязная тусовка. Персонал нужен в полном составе. И надень что-нибудь не такое старушечье.

– Что, простите?

Женя поняла, что мужчина до сих пор сжимает её руку, и деликатно отстранилась.

– В скафандре, говорю, не жарко тебе? Застегнулась наглухо.

Она невольно прикрыла ладонью ворот блузки – вдруг и этому приспичит на ней пуговку расстегнуть.

– Константин, значит, твой дядя, да?

– Угу. – Женя вновь посмотрела на дверь, но как проходит беседа с Тамарой Владимировной было непонятно.

– А скажи: дядя Лео.

– Дядя Лео, – произнесла она машинально, а потом одумалась: – Что, извините?

– Повтори ещё, – попросил он, поправив ремень на брюках и покачнувшись на пятках.

– Да что... – подозрительно начала Женя, одновременно делая шаг в сторону двери.

– Я всё уладил, – на пороге кабинета возник дядя Костя. – Завтра в пять заберёшь трудовую в бухгалтерии. Я, правда, не понял, отчего так поздно. Тома сегодня что-то не в духе.

А вот Женя как раз поняла. По пятницам заведующая работала до четырёх. Видимо, ей настолько не хотелось пересекаться с Женей, что она назначила столь позднее время. Но по крайней мере она не рассказала про сегодняшний инцидент, как Максим и обещал – дядя Костя выглядел хмурым, но это его привычное состояние, злости в нём не чувствовалось.

После ухода Леонида других клиентов больше не было, так что вечер прошёл относительно спокойно. За ужином дядя привычно ворчал и занудствовал, а потом закрылся в своей спальне-кабинете и больше оттуда не показывался. Применив все возможные меры предосторожности, Женя аккуратно вытащила из дыры в подкладе сумки смартфон, который сегодня контрабандой пронесла домой, заранее отключив на нём звук. На всякий случай максимально убавив яркость экрана, она допоздна просматривала сайты с вакансиями и рассылала резюме на любые, хоть немного подходящие вакансии.

– Это же надо! Уборщицей меня устроил! – еле слышно возмущалась она себе под нос. – Ну просто ни в какие ворота!

Но она понимала, что если за завтрашний день у неё не появится реальных альтернатив, то придётся ехать по адресу, который перед уходом оставил этот странный, до жути неприятный Леонид.

На утро Женя как ни в чём не бывало положила себе в контейнер обед и вышла из дома, делая вид, что едет на работу в библиотеку. Вместо этого она отправилась в любимую кофейню и, оккупировав столик в самом дальнем углу, с надеждой открыла почту на смартфоне. Увы, её ждало разочарование – на несколько её откликов пришли ответы, но все они были или отрицательными, или неопределёнными, в стиле: «Благодарим за ваше резюме, мы свяжемся с вами позднее».

– Когда позднее-то? Мне сейчас нужно!

Вздыхнув, она достала ручку, блокнот и стала составлять перечень библиотек, которые она планировала сегодня обзвонить, а кое-куда и успеть съездить до часа икс – пяти вечера, когда ей нужно было забрать трудовую.

К концу дня она обзавелась внушительным списком обещаний перезвонить и тремя скудными перспективами: менеджер по холодным звонкам, помощник риэлтора и книжный агент. Последнее вроде звучало неплохо, а на деле ходить по офисам с авоськой детской литературы и пытаться продать людям книги даже Жене показалось архаичным. А уж Максим так и вовсе обозвал пережитком девяностых и, конечно, вновь и вновь забрасывал её сообщениями, агитируя за Францию.

«Вот же далась она ему!»

Рассердившись, Женя перестала заглядывать в чат и даже не предупредила, что заскочит сегодня на теперь уже бывшую работу. Выслушивать мотивационные речи о переезде просто не было сил. А Макс на этом будто заиклился.

«Надо просто немного подождать», – рассуждала она, подходя к зданию, что полгода служило её вторым домом. – *«Вот найду хоть что-то получше уборщицы или книжного агента, и вопрос о заграничных далях отпадет сам собой».*

Правда тут же в голове зазвучал потенциальный упрёк Макса из будущего:

«Устала? Тяжело? Денег мало? А я говорил, надо было во Францию ехать».

Порой он действительно ворчал похлеще Тамары Владимировны. Зато пел красиво, проникая лирическим баритоном в самые потаённые уголки души, вызывая мурашки по всему телу. Жене вдруг нестерпимо захотелось снова погулять с ним по парку, послушать его голос, посмотреть как длинные пальцы перебирают гитарные струны.

«Может завтра? Он ведь не откажется прогуляться? – Женя закусил губу. – До работы у Леонида. А лучше вместо... Дядя Костя точно узнает и закатит жуткий скандал...» – она потрянула головой. – *«Тогда днём. Да. Скажу Максиму, что мне очень нужна поддержка, что не хочу про работу, хочу песен. Отвлечься от всего!»* – Она вывернула из-за угла по направлению к главному входу в библиотеку. – *«И ещё скажу про пуговички. Что я не сержусь больше. Ну, что я не против. Наверное. То есть мы могли бы...»*

Внезапно она подняла глаза, выныривая из своих романтических планов, и поражённо замерла. Женю словно под дых ударили, выбив все мысли, оставив внутри холодную пустоту. Тысячи крючковатых игл вонзились в сердце и стали медленно вырывать один клочок души за другим. Но Максим этого не видел. Он стоял спиной, опираясь ладонью о колонну, а второй рукой прижимал к себе стройную блондинку. Летний ветерок игриво трепал русые волосы Макса, полы его рубашки и оранжево-красную длинную юбку неизвестной девушки. Женя схватилась за стену, потому что земля под ногами покачнулась. Она снова и снова пыталась вдохнуть, но воздух вокруг исчез. Пламенный поцелуй всё никак не заканчивался, и даже закрыв глаза, Женя видела его. Видела их. А потом струящаяся юбка незнакомки полыхнула, затрещала зловещими искрами, выжигая остатки реальности.

4. Потомственный маг света

Женя сидела на лавке в сквере, бездумно уставившись перед собой. Воспоминания о том, как она всё же забрала трудовую, перекатывались в голове, вязкие, тягучие, неповоротливые.

Едва справившись с панической атакой, отдышавшись и стиснув кулаки, Женя всё же направилась в бухгалтерию. Но попытка незаметно проскользнуть мимо целующейся парочки провалилась. Макс боковым зрением заметил движение, повернулся, и лицо его озарилось радостным узнаванием.

– О, Жень, привет! А я и не знал, что ты сегодня зайдёшь.

– Я... э-э-э... да... трудовая же, – пролепетала она что-то невразумительное, желая провалиться под землю. А лучше, чтоб туда провалилась эта блондинка, которая с любопытством её разглядывала, даже не отлепившись от Макса. От её, Жениного, Макса!

– О, ну ясно, – с умным видом кивнул Максим. – Ну тогда забирай давай быстрее, и потом вместе до остановки пойдём. Это, кстати, Лиза – моя подруга. Я тебе рассказы...

– Девушка, – перебила Елизавета, – Я его девушка.

– Да я так и сказал.

– Не так.

Парень озадаченно посмотрел на «подругу», а та окончательно добила, расставляя все точки:

– Мы с Максом встречаемся. Красивая коса, кстати! – она широко улыбнулась Жене, а следом тихо добавила: – Прямо как у доярки.

Но Женя услышала, вспыхнула до самых корней волос, и попятилась в сторону двери. Макс пытался сгладить неловкость, что-то говорил, но его слова совершенно не отложились в памяти. В бухгалтерии Женя поставила свою подпись в каких-то бумагах и получила расчёт. Всё это прошло, как в тумане. Увидеть снова Макса и Лизу, а тем более идти с ними было выше её сил, поэтому Женя позорно сбежала через служебный выход. Повернув в сторону, противоположную от автобусного маршрута, она неслась по улицам так, словно за ней гнались все огненные демоны ада. И лишь запыхавшись, огляделась по сторонам, обнаружила себя в сквере и рухнула на ближайшую пустую скамейку под кустом сирени.

«Его девушка... – снова и снова стучало в ушах, словно набатом. – Как же так?! Как? Не просто подруга... У него же много друзей, он постоянно про кого-нибудь да рассказывал. Я ведь думала... А песни, а парк? Мы же гуляли. И вафли... Зачем он угощал? А карты? Я же гадала. Рыцарь кубков выпал, так почему тогда..?»

Женя шумно всхлипнула, вытерла бумажным платочком лицо, но горькие слёзы никак не унимались.

«Его девушка... Его девушка! А я? Как же я?! И пуговички эти...»

Из задумчивости её вырвал телефонный звонок. Женя мельком взглянула на экран, номер неизвестный. Разговаривать ни с кем не хотелось, но смартфон жужжал и жужжал, навязчивый, как овод. А вдруг это насчёт работы?

– Аллю? – вяло поинтересовалась она в трубку.

Из телефона на неё полились журчащие нотки иностранной речи, так что Женя даже села ровнее, пытаясь уловить смысл беседы.

– Мадам Арно? Эжени Арно? – прошептала неизвестная француженка. – Меня зовут Мари, я из бюро по подбору персонала «Roue du destin». Мы переписывались по электронной почте, но я так и не получила от вас заполненные документы. Что-то случилось? Вы передумали? Или Вам не дошли все формуляры?

– Формуляры? – Женя лихорадочно пыталась вспомнить, что там говорил Максим про французскую вакансию. – Да, я получила ссылку на анкету, но не знала, что это так срочно.

– О, мадам, прошу прощения, что тороплю Вас. Это всё моя вина! Я стажёр, понимаете? Мне передали дела, но я не успела разобрать всё, а теперь договор с Шато Д’Эпин истекает.

– М-м-м... – Жене было сложно уловить ключевую мысль из торопливого монолога на французском.

«Да о чём она вообще говорит? Какой договор?»

– Как же я была рада, когда вы откликнулись, мадам Арно! Нам подходят ваши навыки, и, в целом, не смущает, что у вас двойное гражданство и сейчас Вы в России. Вы ведь указали, что готовы к переезду. Всё верно?

– Да, у меня двойное гражданство, но...

– Вот и отлично! Вы моя спасительница! Но нам нужно заполнить бумаги, как можно скорее, до вашего выхода в понедельник.

– В понедельник?!

– Да-да. У нас же сроки. По контракту. А я упустила, – собеседница с досадой вздохнула. – Пожалуйста, мадам Арно, заполните формуляры.

Женя и сама не поняла, почему просьба незнакомки так на неё подействовала, но она, попрощавшись, послушно полезла в почту, открыла бланк с вопросами и стала вписывать в окошки ответы.

В графу «личные качества» она внесла: *никчёмная и бездарная.*

Всклипнула, стёрла, набрала новое: *никому ненужная.*

Снова удалила, заменив на: *рыжая, с косой, как у доярки.*

Женя не сдержала истерический смешок и яростно дописала: *а ещё обаятельная и привлекательная, ответственная, с активной жизненной позицией. И на таро гадаю.*

И уже в голос хохоча, добавила: *потомственный маг света высокой квалификации.*

Отсмеявшись, она собиралась было удалить и эту бредовую запись, но телефон в руке завибрировал. Фотография Макса больно отозвалась в сердце, и ответить на его звонок Женя не смогла, чувствуя, как в горле снова встал ком, а по щекам побежали дорожки слёз. Она дрожащими пальцами смахнула вызов, но, видно, не очень аккуратно, а потому следом анкета мигнула зелёным, принимая внесённый ответ.

– Ой! – испугалась Женя, но, не найдя кнопку отмены, зло выдохнула: – Да и к чёрту всё!

Она едва успела заполнить оставшиеся окошки, как Мари тут же перезвонила, будто только этого и ждала. Женя толком и слова вставить не успела, как уже стала обладательницей нужного адреса, номеров телефонов неизвестных мсье де Гиза и мадам Бланшар, сотрудников отеля Шато Д’Эпин, в архив которого она якобы устраивалась на работу.

Француженка, очевидно, времени даром не теряла и следом прислала ещё и контакты марсельского такси, даже проинструктировала насчёт перелёта.

– Пересадка в Стамбуле, – проворчала Женя, положив трубку. Она направилась к выходу из сквера, нервно выкручивая пуговицу на летнем жакете. – Ну какая пересадка в Стамбуле?! Тем более завтра! Как я вообще в это ввязалась? Я же не смогу. Я боюсь! Не поеду я никуда!

И в тот же миг ей сделалось так стыдно перед Мари, которая теперь могла из-за неё и сама лишиться работы. Женя ругала себя, что сразу вразумительно не отказала, поддавалась какому-то глупому порыву. И вот теперь, человек в другой стране полагался на неё.

«Ведь Мари могла бы до понедельника найти кого-то ещё на эту вакансию. А я... Нехорошо вышло. Надо перезвонить и всё объяснить».

– Же-е-ень!

Она невольно вздрогнула и оглянулась.

– погоди! – Максим быстро нагнал её. – Так и думал что ты здесь.

– Такая предсказуемая, да? – грустно усмехнулась Женя.

Парень взъерошил волосы, не торопясь с ответом. А потом просто перевёл тему:

– Извини за Лизку. Она не хотела.

Женя фыркнула.

– Ну, может и хотела, – кивнул он. – Я просто не думал, что она ревнивая такая. Ты ушла в бухгалтерию и пропала, а я, как мудака, стоял и доказывал, что мы с тобой просто друзья, прикинь?

– Доказал? – мертвенным голосом спросила Женя, глядя себе под ноги.

– Да фиг знает, поругались мы.

– Извини, я не хотела стать причём...

– Жень, да брось. Лизка переберётся. А с тобой-то что? Обиделась? Ерунда же это всё! Коса у тебя шикарная: густая, рыжая. Мне нравится. Пойдём, до остановки провожу.

Ладонь Макса уютно легла между лопаток, но в горле тут же пересохло, а глаза увлажнились.

– Эй, да ты чего? – занервничал парень, – Может по эскимо? Ты же любишь.

«Тебя я люблю! Дура. Какая же я дура».

Слёзы невольно побежали по щекам.

– Ну Же-е-ень, ну не реви. А хочешь... э-эм... – и он вдруг дурашливо пропел: – Хочешь сладких апельсинов?

Его голос отозвался болезненной вибрацией в каждом уголке её души. Женя не могла больше сдерживаться и разрыдалась, уткнувшись в его рубашку и вдыхая тонкую горечь парфюма.

«В последний раз», – пронеслась у неё мысль. – *«Это в последний раз».*

Максим гладил по спине, успокаивая:

– Ты просто за эту неделю перенервничала. Вот остро и реагируешь на всё. Накопленный стресс. Говорю же, волосы у тебя классные.

– Да я не из-за ни-и-их, – громко всхлипнула Женя.

– А из-за чего?

– Стамбу-у-ул, – еле выдавила она, маскируя истинную причину. – Пе-пересадка та-ам. И Фра... Фра-а-анция.

Максим взял Женю за плечи и чуть отстранил от себя, заглядывая в глаза:

– Так тебя взяли в итоге? Серьёзно?

– Мне стра-а-ашно.

– Да ты чего! Блин! Это же офигительно!

Он слегка потряс её, широко улыбаясь. Потом снова обнял.

– Ну всё, давай, Жень, соберись и всё-всё мне расскажи. Когда вылет, прямой или с пересадками? У тебя чемодан-то есть?

– Ну откуда у меня чемодан, сам-то подумай!

Женя наконец нашла в себе силы отстраниться от таких желанных объятий, понимая, что чем дольше она будет оттягивать, тем больнее будет. Вытерев слёзы, она пошла рядом с Максимом, а тот уткнулся в телефон.

«С Лизой, наверно, переписывается», – грустно подумала она.

Но он удивил.

– Смотри, погода там сейчас примерно такая же, как и у нас в Самаре. Значит, тёплая одежда тебе сразу же не понадобится. Уже меньше тащить... И потом, ты же вряд ли скажешь дяде, что уезжаешь?

Женя нервно хихикнула:

– Ты что! Он меня тогда на ключ заперёт в квартире, а паспорт разорвёт на мелкие клочки и на всякий случай обрывки спустит в унитаз!

– Вот и я про то же, – ободряюще улыбнулся Макс. – Собираться тебе придётся быстро и тайком. Сможешь? Надо заранее прикинуть, какие вещи нужно взять и во что положить. Если что, я могу тебе отдать свою спортивную сумку, с которой в бассейн хожу.

Разговор с другом, обстоятельный и раскладывающий всё по полочкам, настроил Женю на деловой лад. Подходя к квартире, она уже не дрожала от того, какую кашу заварила, а прикидывала предстоящие действия.

– Евгения, ты? – Дядя привычно выглянул из кухни на звук закрывающейся двери, окинул племянницу быстрым взглядом и снова ретировался на кухонный диван. – Ну как всё прошло? Чего так долго-то? Я уже собрался Томе снова звонить.

Женя передёрнула плечами, вспоминая при каких обстоятельствах он в последний раз звонил её уже бывшей начальнице.

– Привет, дядь Кость. Да всё нормально, бухгалтер просто не успела заранее все документы подготовить.

– Какая нерасторопная женщина! – сварливо пробурчал экстрасенс. – Я как чувствовал, что что-то может пойти не так. Сегодня с утра энергетические потоки словно взбесились. У меня жуткая мигрень... Рассчитать-то тебя не забыли? Ну-ка дай проверю, что в трудовой хоть написали?

Женя безропотно выложила на кухонный стол трудовую книжку и все деньги, которые ей выплатили при увольнении, до копейки. Сумма там была небольшая, месяц только начался. Но от мысли, что уже завтра она сбежит из дома и бросит дядю без стабильного дохода, на душе скребли кошки. Впрочем, оставить ему денег из своих сбережений она тоже не могла – имеющейся суммы едва хватило, чтобы купить билет на самолёт, да и потом ещё нужно было отложить на такси и какие-то непредвиденные траты. Мало ли что. Максим, конечно, предлагал финансовую помощь, но оставаться ему должной совершенно не хотелось. Гордость не позволяла. Учитывая все обстоятельства.

Когда она вернулась из ванной, на столе уже было пусто – и документы, и наличные дядя прибрал к рукам. Ну и ладно, всё равно трудовая ей больше не понадобится. Женя мысленно скрестила пальцы и, открыв холодильник, стала доставать продукты для ужина.

– Завтра у меня йога, а потом клиенты подряд до позднего вечера. Так что тебе придётся самой добираться до нового места работы. Я проводить не смогу, и у Леонида тоже много дел, не до тебя, – сидя на кухонном диване, Константин Игнатъевич барабанил пальцами по столу.

– Ничего страшного, разберусь, дядь Кость. – Она отвернулась, чтобы не пересекаться с ним взглядом и принялась аккуратно выкладывать на сковороду куриные ножки. – Я хотела пораньше выехать, чтобы точно не опоздать и на месте уже осмотреться, что и как.

– Вот это хорошая мысль, молодец, Евгения!

Женя незаметно выдохнула. Первый подготовительный шаг сделан.

Всю ночь она вертелась на диване. Сон не шёл, от чувства вины горели щёки, руки дрожали от страха перед неизвестностью. Но сильнее всего внутри разливалась тоска по Максиму. Болезненная, щемящая, удушливая.

«Друзья, мы просто друзья», – шептала она в подушку.

С этими мыслями она и заснула, когда небо за окном уже посветлело, и защелкали ранние птицы.

– Долго ты разлеживаться будешь? – пробилось сквозь сон дядино ворчание. – Суббота не отменяет того факта, что режим нужно соблюдать ежедневно. Поток энергии, оживленный асанами, примет...

– Верное направление, – промычала Женя, не открывая глаз, и повернулась на другой бок. – Встаю.

– Не вижу. А ведь уже половина одиннадцатого.

– Сколько?!

Женя подскочила с дивана и ринулась в ванную.

«Спокойно! Спокойно! Всё нормально. Сейчас он уйдет, и я займусь сборами. Как запланировано. Без паники».

– Я на йогу, – донеслось из коридора, – вернусь к часу.

Умывшись, Женя уставилась на своё отражение.

«Да не могу я!»

Сомнения захлестнули с новой силой, вынуждая тратить время не на сборы, а на придумывание оправданий перед Максимом.

«Всё нормально. Скажусь ему, что опоздала на самолёт. И чёрт с ним, с купленным билетом. Или... просто не буду трубку брать. Нет меня. Не-ту! Исчезну из жизни Макса навсегда. Всё равно я ему не нужна».

Женя прошла в кухню и, уже никуда не торопясь, заварила чай, бросила в чашку кубик сахара. Но вкус бергамота показался каким-то бесцветным. Сваренная овсянка – пресной. А внутренний голос баритоном Макса назойливо твердил:

«Нельзя упускать такой шанс!»

– Да отстань ты! – в сердцах выкрикнула она и принялась расхаживать из стороны в сторону, поглядывая на часы: с каждой минутой времени до возвращения дяди Кости становилось всё меньше.

– Ехать или нет? Ехать или нет? Ехать или... Стоп, а что если..?

Она сначала потянулась за колодой Таро, припрятанной на холодильнике, но затем передумала и метнулась в кабинет светлого мага. Воздух здесь до сих пор хранил флёр иланг-иланга, всколыхнув неприятные воспоминания об унижительном предложении.

– Уборщица в клубе у Леонида, – Женя брезгливо поморщилась, – точнее у «дяди Лео», или работа во французском архиве? – произнесла она вслух, тасуя рабочую колоду Константина Игнатьевича. – Ехать или нет? Как поступить, пожалуйста, подскажите.

Она зажмурилась и вытащила наугад карту, но осмелилась взглянуть на неё только спустя три глубоких вдоха: Колесница.

В этот самый момент раздался звонок в дверь. Женя вздрогнула, обронила колоду.

«Почему он так рано?!»

Она принялась судорожно собирать рассыпавшиеся карты в коробочку. Шестёрка мечей всё никак не желала влезать. Звонок повторился, громко и протяжно.

– Иду-иду – крикнула Женя, и, распахивая дверь, сразу стала оправдываться: – Я в ванной была, и...

Она осеклась и удивлённо уставилась на гостью.

– Да мне пофигу, – холодно произнесла та и, потеснив Женю плечом, прошла в прихожую. – Макс – мой, – обозначила она сразу, не оборачиваясь. – Ну и халупа. Ремонт в прошлом веке делали?

– Что тебе нужно? – Женя скрестила руки на груди. – Как ты вообще...

– Не так уж и много экстрасенсов в Самаре. А светлых магов-мужчин из них, знаешь, сколько? Один. Не сложно найти адрес в объявлениях.

– Так ты на сеанс? Надо заранее записываться...

– Мозг включи.

– Лиза, я не понимаю.

Блондинка остановилась напротив трельяжа и поправила волосы.

– Вещи твои где?

– Да какие вещи?! – раздражённо воскликнула Женя.

– Которые с собой возьмёшь. Макс меня задолбал: Женя то, Женя сё. Хотел к тебе приехать, чтобы помочь собраться. Но что я, дура что ли, парня к другой бабе отпускать? Уж лучше

я сама. Сумку привезла – в подъезде на перилах висит. Хватай и пошли шмотки паковать, пока ведьмак не нарисовался.

– Не нужна мне твоя помощь, – вспылила Женя. – Это бред какой-то!

– Не бред. Если б ты телефон включила, то знала бы, что я еду. В общем так, я помогу с бараклом и запихну тебя в самолёт. Чтобы ты тут своими косами не трясла перед моим парнем.

У Жени внутри царил жуткий хаос. Хотелось наброситься на незваную гостью, схватить за высветленные пряди и выволочь в подъезд. Но то были лишь мысли, а вслух она тихо попросила:

– Лиза, уйди, пожалуйста.

– И не подумай. У нас с Максом всё серьёзно, а ты здесь лишняя.

Больно. Нечестно. Несправедливо.

– Зато во Франции тебя ждёт новая жизнь. Понимаешь?

Женя понимала.

В следующий час она носилась по квартире, совершенно не представляя, что брат. И если б не Лиза, то дело кончилось бы слезами и последующим мытьём полов в клубе у Леонида.

Блондинка сидела на диване, неторопливо пила чай, давала ценные указания, а заодно и критиковала всё, что попадалось на глаза, начиная с клетчатых обоев, заканчивая Жениным бельём:

– Ты там на нервах случаем шкафы не перепутала? Трусы ведьмака тебе зачем?

– Это мои, – насупилась Женя. – И дядя Костя – светлый маг.

– Мда-а-а. А это из «Детского мира»? – кивнула она на единорога с радужной гривой, большими глазами смотрящего на них с пижамной кофты.

– Перестань.

– А это что у тебя? – Лиза ловко выхватила из рук Жени небольшой пучок трав, туго перевязанный шерстяной нитью.

– Оберег от несчастных случаев. Я же на самолёте...

– Хочешь, чтоб тебя на границе развернули?

Женя попыталась отобрать мотанку, но Лиза увернулась, а потом выкинула пучок в форточку.

– Да это же просто зверобой! – обиженно воскликнула Женя. – Он не запрещён!

– Боже, дай мне терпения! – Лиза молитвенно сложила руки на груди и глубоко вздохнула. – Таможенникам это объяснять собралась? Они пока-а-а всё проверят, выяснят. А у тебя пересадка между прочим. Нельзя время терять. Так, если ещё есть какие куклы Вуду, иголки и прочие ведьмачьи штучки – выкладывай.

– У нас магия светлая, – вздохнула Женя.

– У нас? Так ты тоже..? Шаманишь?

– Я имела в виду у нас в квартире.

– Да пофиг. Колюще-режущее в ручную кладь нельзя. Аэрозоли тоже...

Женя сделала вид, что согласилась, но сама украдкой положила на дно сумки любимую колоду Таро. Ту, которой дядя Костя редко пользовался, всё ворчал, что изображения бездушные, не откликаются. Ему она всё равно не нужна, Женя давно её утащила из кабинета и припрятала на холодильнике за цветком. Её немного успокаивала мысль, что в случае каких-то неприятностей на новом месте она сможет спокойно сесть, разложить карты и во всём разобраться.

Без пятнадцати час Лиза буквально впихнула Женю в лифт:

– Быстрее давай, что как колбаса вареная?

– Зря мы это затеяли. Я не могу. Ну как я буду там? Одна. А если с работой не справлюсь? Если меня уволят?

– Хватит ныть уже! Нормально всё будет.

Женя хотела было возразить, но лифт издал сигнал, обозначая первый этаж. Двери со скрежетом разъехались в стороны.

– Евгения?! – раздался знакомый голос. – Куда это ты собралась?

5. Как обаять экстрасенса

Женя панически попятилась и упёрлась спиной в заднюю стенку лифта.

«Ну вот и всё. Не успела».

Одновременно с испугом она испытала странное чувство облегчения: больше не нужно переживать насчёт перелёта, другой страны и неизвестной работы. Теперь всё останется как прежде – уныло и унизительно, зато спокойно.

– Здравствуйте, а вы наверное Константин, потомственный маг света, – Лиза расплылась в улыбке, выплывая лебёдушкой из лифта и утягивая за собой Женю. – Верно?

Дядя Костя кивнул, но взгляд его остался пронзительно-холодным.

– Мне говорили, за чудесами нужно приходить исключительно к вам, – в голосе Лизы сквозило неподдельное восхищение. Знал бы он, что эта «милая» девушка несколько минут назад называла его сумасшедшим ведьмаком. – Понимаете, мне очень нужна помощь. Вот!

Она выхватила у Жени сумку с вещами и потрясла ею перед Константином Игнатьевичем.

– Меня парень бросил. Мы вместе снимали квартиру. А он... – Лиза горестно вздохнула. – Вот я сразу к вам и поехала. Как есть. С вещами. Сделайте же что-нибудь!

Елизавета подошла вплотную к дяде Косте, взяла его за руку и так жалобно посмотрела, что даже Женя поверила в её тяжёлую судьбинушку. Почти.

– Пожалуйста, помогите. Евгения сказала мне, что у вас сеансы только по записи. Очень извинялась и даже проводить вышла. Но раз судьба свела нас с вами вместе, то может быть вы сделаете исключение? У меня ведь особый случай. Безотлагательный. Наколдуйте отмену или приворот какой.

– Приворотами не занимаюсь! – отрезал он. – Я светлый маг.

– Да-да. Я понимаю. Но я столько хорошего о вас слышала, не может быть, чтобы вам не удалось...

Женя диву давалась тому, как Лиза виртуозно врала. Лесть лилась с её пухлых губ медовой патокой, в которой медленно увязал Константин Игнатьевич. С его лица постепенно уходила хмурость, взгляд теплел. И вот дядя Костя и сам не заметил, как ответно стал поглаживать Лизу по руке и рассказывать про светлые энергетические потоки.

Елизавета просила о чуде, и оно случилось прямо здесь, на глазах у Жени, в грязном подъезде панельной девятиэтажки: дядя Костя поступился своими правилами и назначил «Лизоньке», как он её стал называть, сеанс в неурочное время – в понедельник! Сколько Женя себя помнила, первый день недели считался неприкосновенным выходным в практике мага.

Теперь Лиза рассыпалась в комплиментах дядиной доброте и свету его души, и даже, в качестве благодарности, предложила подвезти Женю до нового места работы.

Экстрасенс был только рад, даже не обратил внимания на тот факт, что до встречи Жени с Леонидом оставалось целых три часа.

Неизвестно, сколько бы продолжались эти слащавые обмены любезностями, если бы в подъезд не вошла Роза Ильинична.

– Ох, Константин Игнатьевич, миленький, а я как раз собиралась к тебе заглянуть, – старушка метнула подозрительный взгляд на Елизавету, но никаких комментариев себе не позволила. – Мне бы ту натирочку на лопухах, колено опять ноет, спасу нет никакого...

Девушки наспех попрощались и вышли во двор.

– Садись и валим быстро, пока ведьмак не очухался! – бросила Лиза и, кивнув на тонированную девятку, нажала кнопку на брелоке. – У отца на выходные взяла тачку, хотели с Максом на озеро сгонять с ночёвкой. А приходится вот его подружку подвозить, что, блин, за жизнь!

Закинув сумку с вещами на заднее сидение, сама Женя села вперёд и пристегнулась. Мало ли как эта малознакомая Елизавета водит! Может у неё права купленные... Впрочем, чувство благодарности перевесило и заглушило едкие комментарии внутреннего голоса.

– Слушай, спасибо тебе за... – Женя замялась. – Ну за всё, за помощь. И с дядей Костей ты так ловко...

Лиза фыркнула.

– Да было б за что! Мужики, они ж примитивно устроены. По шёрстке погладь, за ушком почешу. Дядя твой так вообще на один зубок: шепотка обаяния, щенячьи глазки и дифирамбы светлым магическим потокам – и всё, растаял ведьмачок. Если бы ты не бляела, как овца, то и сама бы им крутила! Хотя... – она бросила на Женю быстрый взгляд. – В моих интересах, чтоб ты продолжала бляеть. И желательно где-нибудь подальше от Самары.

Женя вспыхнула, но промолчала. Девушка Макса вслух говорила гадости, но при этом действительно помогала. Если бы не она...

Лиза завела машину и стала аккуратно вырывать из двора, заставленного припаркованными машинами. Внезапно Женя воскликнула:

– Стой!

Лиза резко ударила по тормозам и чертыхнулась:

– Твою мать! Ну что ещё? Утюг забыла выключить? Свиньям отрубей насыпать? Панталоны с начёсом взять?!

Женя поджала губы и пробормотала:

– Записку дяде не написала.

– Ё-моё! – Лиза закатила глаза. – Да и ну его... в фиолетовую чакру!

– Нет, я так не могу, – твёрдо ответила Женя. – Он будет волноваться. Дядя Костя – сложный человек, но он меня вырастил и не заслуживает такого отношения...

Она лихорадочно копалась в сумке, выискивая хоть что-то пишущее.

– Ты что, реально записку писать будешь? Вот жуть! Смс ему скинь из аэропорта, а лучше прямо из Франции. И всё.

– У дяди нет смартфона.

– Да ладно?! – вздёрнула брови Лиза. – Серьёзно что ли?

– Современная техника сильно фонит и забивает энергетические каналы. – Женя нашла какой-то старый чек и на обратной его стороне написала карандашом несколько строчек. – Подожди меня, пожалуйста, – пробормотала, отстегивая ремень безопасности. – Я кину записку в почтовый ящик и вернусь через минуту!

– Да уж куда я денусь, – процедила Лиза, включая аварийку. – Угораздило же меня вляпаться...

В аэропорт они прибыли точь-в-точь к нужному времени, но у стойки регистрации всё ещё змеилась длинная очередь. На несколько человек впереди стоял русский парень с волосами до плеч в до боли знакомой клетчатой рубашке, а на плече у него висел чехол гитары. Женино сердце пропустило удар. Максим! Всё-таки приехал, не побоялся скандала со своей девушкой! Ещё и очередь занял... Женя замерла, сама себе не веря, и Лиза, идущая сзади, врезалась в неё.

– Ну чего ещё? Встала посреди зала, как соляной столп, шевели давай своими батонами! – Затем она проследила за направлением Жениного взгляда и тяжело вздохнула. – Да уж... всё-таки влюбленные девушки – безнадежно тупые существа.

Елизавета обошла застывшую Женю и помахала у неё перед лицом:

– Да не он это, не он! Отомри. Макс не придет. Ты меня вообще слушала?! Я ему сказала, что голову оторву за такие выкрутасы, или чего пониже... Так что выдохни и шагай на регистрацию.

Жене стало стыдно, что все её чувства так легко считывались, поэтому она молча опустила голову и послушно направилась вперёд.

Елизавета не бросала её до последнего – помогла разобраться с посадочным талоном, проводила до паспортного контроля и ещё долго смотрела вслед, пока Женя не отстояла очередь и не скрылась за дверями.

Толпа людей, ожидающих вылета, шум, гам, суета, бесконечные объявления из динамиков... Всё это наводило ужас. Возникло желание немедленно сбежать домой, спрятаться с головой под пледом на старом кухонном диване.

Только мысли о Максе не давали Жене отступить. Стиснув зубы, она нашла «Gate В4» в зоне вылета и нервно поглядывала на табло, боясь пропустить начало посадки. А спустя час она, вместе с гомонящим людским потоком, втиснулась в самолёт.

– Я смогу, всё нормально, я смогу... – без конца бубнила Женя себе под нос. – Всё нормально. Я смогу... Господи! Не могу!

– Можете.

– Что? – она повернула голову и посмотрела на добродушно улыбающегося соседа с места 23Е. Седина уже тронула его виски, а вокруг глаз лучились морщины.

– Всё вы можете. Просто откиньтесь на спинку кресла и расслабьтесь. Самолёты – один из самых безопасных видов транспорта...

Он приводил какие-то статистические данные, рассказывал про устройство корпуса Боинга 737 и про двигатели. Женя честно пыталась поддержать беседу, хоть её переживания были связаны вовсе не со страхом летать, но обилие технической терминологии сбивало. Впрочем, воодушевление в голосе мужчины немного успокоило, и мысль вскочить с кресла и ринуться прочь из самолёта затерялась где-то на задворках сознания. А когда шасси оторвались от земли, сбежать стало некуда.

Она достала телефон, перевела его в авиарежим, открыла галерею и нашла фотографию отеля «Шато Д'Эпин». Ещё дома она проверила в интернете, что такой отель в принципе существует, и сохранила целую серию изображений с официального сайта.

Даже на экране величественный вид здания приводил в замешательство. Три этажа из мрачного серого камня оканчивались острой крышей со множеством печных дымоходов и треугольных люкарн. К парадному входу, обрамлённому арочным сводом, вела внушительная каменная лестница с балюстрадой. С торцов здания расположились круглые башни, крыши которых больше напоминали старые ведьминские шляпы.

«Не отель, а настоящий замок, не удивительно, что при нём организовали музей».

Именно в архиве при музее Жене и предстояло работать. В то, что до этой нереальной сказки осталось несколько часов, совершенно не верилось. Женя покачала головой.

«Господи, что же я творю... Куда только лезу?! Я, Франция, замок... Кошмар какой-то».

Она явственно представила, как перекосит от ярости лицо дяди Кости, когда он откроет почтовый ящик и обнаружит там чек с каракулями. Страх сменился стыдом, ведь она даже не удосужилась написать нормальное человеческое письмо с объяснениями.

«Ничего, ничего, вот обустроюсь и позвоню домой. Обязательно позвоню. Дядя Костя поймёт. Так ведь? Или нет?»

Отмахиваясь от брюзжания совести, Женя вновь принялась рассматривать сохранённые фотографии. Номера люкс, стандарт, апартаменты, зелёная аллея кипарисов, Эдуар Роше...

Владельцу отеля на вид было немного за тридцать. Он казался серьёзным, деловым, даже немного мрачным. Возможно, такое впечатление складывалось из-за широких, чуть нахмуренных бровей, резко очерченного носа и жёсткой линии губ. Или из-за широкого разворота плеч, затянутых в строгий костюм тёмно-серого цвета. Что-то в этом человеке одновременно и отталкивало, и притягивало взгляд. Он выглядел, словно монолитная скала: непоколебимый, твёрдый, под стать своему замку.

«Вот, наверное, про таких и говорят: за ним, как за каменной стеной».

Закрыв фото, она перешла в мессенджер и, наверное, в сотый раз перечитала сообщение от Макса, которое пришло уже в зале отлёта:

«Прости, что не получилось приехать. Надеюсь, с Лизой вы поладили, она клялась, что хочет извиниться. Удачного тебе перелёта! Пиши сразу, как приземлишься. МНЕ ИНТЕРЕСНО ВСЁ!!!»

«Да уж... поладили, не то слово! Всё-таки Максим такой невыносимо наивный, когда дело доходит до отношений. Неужели все мужчины такие?» – Женя привычно вздохнула. – *«И Лиза эта его... Стерва, конечно, редкостная. Но какая она... Сильная, смелая, язык, как бритва, ещё и машину водит! Неудивительно, что Макс в такую влюбился...»*

Вспоминая, как ловко Лиза разобралась с проблемой в лице неожиданно вернувшегося дяди Кости, Женя убрала телефон и достала из сумки книгу, которую в последний момент успела прихватить из дома. Книга была библиотечной, и Женя пару недель назад унесла её с работы, чтобы подклеить обложку и корешок. Читательница сдала роман в совершенно непригодном виде, как будто читала и перечитывала его сутками, не отрываясь ни на секунду, ни в транспорте, ни в ванной. В кошмаре увольнения Женя совсем забыла про книгу, а сегодня, поспешно собираясь, зачем-то бросила её в сумку, рассудив, что лучше в полёте почитать что-то увлекательное, чем грызть себя изнутри.

На обложке было написано «Верни мою душу, ведьма!». Женя поморщилась, отчаянно надеясь, что костров и инквизиторов в тексте не будет. Впрочем, выбора у неё всё равно не имелось, так что она открыла первую страницу.

«Сибель скрупулёзно выводила на свитке закорючки рунического письма... Она отгородилась непроницаемым заслоном равнодушия... А этот лорд Дарней...»

История начиналась вполне безобидно, и строчки утягивали за собой, звали отвлечься и хоть на пару часов забыть о жизненных невзгодах. Глотая страницу за страницей, Женя погрузилась в волшебный мир, полный опасностей, приключений и любви.

Спустя какое-то время она подняла голову от книги и беспокойно огляделась. Что-то отвлекло её от чтения, но прошла пара минут, пока она сообразила, в чём дело. В воздухе явно пахло дымом, а, присмотревшись, Женя заметила, как по полу прохода тянется едва заметная белёсая дымка.

– Простите, – обратилась она к соседу, – что это? Так должно быть?

На лице мужчины появилась озабоченность, и он нажал кнопку вызова стюардессы. Но девушка так и не дошла до их ряда – кто-то из впереди сидящих пассажиров обратился к ней с тем же вопросом. Гул голосов нарастал, отовсюду раздавались испуганные возгласы, заплакали дети. Стюардессы забегали по салону, на ходу уверяя людей, что всё в порядке, и не нужно паниковать.

Женя нервно засунула книгу в карман кресла перед собой, проверила, что надёжно пристегнута, и вцепилась в подлокотники так, что побелели костяшки пальцев. Её сосед привстал с места и пытался докричаться до борт-проводника.

Слева, через проход, старушка трясушимися руками схватилась за нательный крестик:

– Отче наш, иже еси на небесех...

Сзади что-то оглушительно хлопнуло и зашипело. Самолёт сначала резко мотнуло в одну сторону, затем в другую, а потом начало трясти, как на американских горках. Прямо перед лицами пассажиров выпали кислородные маски. Женя вздрогнула и отстранилась, зажмурившись, как будто маска могла её укусить. Седовласый сосед наоборот торопливо подался вперёд, сдёрнул аппарат и резкими паническими движениями стал натягивать его на голову.

Крики вокруг слились с механическими сигналами самолета в жуткий хор. Но было слышно, как стюардессы заученно повторяют, что маску нужно надевать сначала на себя, потом на ребенка.

«Не надо было лететь! Зачем только я послушала их?»

Женя судорожно делала один вдох за другим, пытаясь хоть немного успокоиться, но едкий воздух, наполненный отвратительным запахом оплавившейся проводки, болезненно жёг лёгкие.

«Не надо было лететь! Не надо было!»

За спиной кто-то в ужасе вскрикнул, а затем истерично заголосил, перебивая механические аварийные оповещения:

– Пожар! Мы горим! Господи, сделайте что-нибудь... Мы все умрём!

6. Архив или бордель

Размеренно шуршала чёрная лента с чемоданами, но у Жени была лишь ручная кладь, поэтому она прошла мимо толпящихся людей, ориентируясь на указатели на английском и французском. Электронное табло оповещало, что в Марселе сейчас 23:12, +24,6 градуса.

Стеклянные двери разъехались, выпуская Женю в новую жизнь. Какой она будет? Этот вопрос не давал покоя последние сутки. Но хотя бы с первой частью плана она справилась – прилетела. Не заблудилась, не потерялась, не перепутала рейсы при пересадке в Стамбуле. Разве что об инциденте в самолёте усиленно хотелось забыть.

Перед тем незнакомцем до сих пор было ужасно стыдно. Это ведь не Максим, который успокоит, пожалеет и поднимет настроение. Мужчина и сам испугался, когда Женя начала кричать во сне на весь салон. Люди с передних и задних рядов, до этого расслабленно занимавшиеся своими делами, напряжённо тянули шеи, пытаясь понять, что произошло, но при этом не перейти границы тактичности. Седовласый сосед вызвал стюардессу, отпаивал Женю водой, чаем и даже кофе с капелькой виски и весь оставшийся полёт с удвоенным рвением вещал про компрессоры, турбины и направляющие лопасти вентилятора, не давая ни спать, ни читать, ни думать о чём-либо, кроме нудной лекции по авиастроению. Когда самолёт приземлился в Стамбуле, Женя пулей вылетела из салона. Пассажиры провожали её взглядами и приглушёнными шёпотками, от чего её щёки и даже шея пылали всеми оттенками заката. Расслабиться она смогла только после пересадки. И во втором самолёте, направлявшемся в Марсель, сразу же строго-настрого запретила себе читать про огненных драконов или хоть на минуту смыкать глаза! Больше такого позора она не вынесет...

Неподалёку от выхода из сектора прилёта обнаружилась автостоянка. На крыше выстроившихся в ряд белых автомобилей горели зелёные фонари «ТАХИ» – всё как и обещала Мари. Поздоровавшись с водителем, Женя без лишних слов протянула ему листок с адресом. Кучерявый мужчина, с лицом, заросшим щетиной, вскинул густые брови:

– Экс-ан-Прованс?

Он что-то быстро затараторил по-французски, но Женя то ли в силу усталости, то ли из-за отсутствия языковой практики с трудом поняла лишь то, что за поездку выйдет не меньше семидесяти евро. Она, конечно, полагала, что добраться до соседнего города будет недёшево, но чтобы столько! Мари о таком не предупреждала.

– На поезде – десять евро, – сообщил таксист, потеряв к ней всякий интерес, и это она прекрасно поняла.

Женя стиснула ремень сумки. Потратить на самолёт и такси почти все сбережения, накопленные с таким трудом, было обидно и страшно.

«Остаться в чужой стране совершенно без средств – безумие! Но поезд... Мари ничего не говорила про поезд. Где он? Когда отправляется? Далеко ли от станции до отеля? Есть ли ночные рейсы?»

Она схватила телефон, нашла номер француженки, но не успела нажать значок набора.

– Эй, привет, – окликнула её невысокая девица с короткой светлой стрижкой, подошедшая сзади. За её плечами виднелся туристический рюкзак, слишком массивный для такой хрупкой фигурки, но она и виду не подавала, что ей тяжело: – Услышала, что тебе тоже в Экс. Может на двоих?

– Что?

– Разделим сумму пополам. До Экс-ан-Прованса. Я договорилась вон с тем водителем, – она махнула куда-то вправо.

Женя, раздираемая сомнениями, снова взглянула на телефон.

«Уже поздно. Вдруг Мари спит? Звонить неудобно».

– Он поставит счётчик на дневной тариф. Пятьдесят-шестьдесят евро.

Женя запуталась в потоке слов, с трудом собирая их в осмысленные предложения. А девушка продолжила:

– На двоих по тридцать выйдет. Окей?

А вот это было понятно.

– Окей, – вздохнула она, отдаваясь на волю судьбы.

Незнакомка расплылась в широкой улыбке.

– Прекрасно. Очень удачно, что мы встретились. Я Клэр. В Эксе...

Она добавила что-то ещё, но Женя не разобрала. Всё же одно дело переводить тексты, другое – живое общение.

– Меня зовут Эжени, – представилась она, подходя к такси. – Ты не могла бы говорить чуть медленнее. Я не всё успеваю понять.

– А откуда ты? – девушка уже заталкивала с помощью водителя свой необъятный рюкзак в багажник.

– Самара.

– Оу, не слышала, где это?

Женя залезла в автомобиль, втайне надеясь ощутить прохладу. Те несколько минут неизвестности, когда она не могла решить, на чём ехать, заставили её понервничать. Несмотря на то, что поздним вечером в Марселе было не жарко, Женя успела вспотеть от волнения. Но кондиционера в салоне, увы, не оказалось, а все стекла в окнах были опущены. Она огорчённо вздохнула и поморщилась. Ночной воздух был наполнен запахами аэропорта – нагретого за день асфальта и пыли. А она так мечтала спуститься с трапа самолёта и полной грудью вдохнуть знаменитые ароматы лаванды и моря.

Ехать от Марселя до Экс-ан-Прованса было примерно полчаса, но отель, где Жене предстояло жить и работать, располагался за семь километров, не доезжая Экса. Клэр безостановочно болтала, периодически забывая о просьбе говорить помедленнее. Иногда Женя успевала выхватить понятные фразы и отвечала, но по большей части просто смотрела в окно, пытаясь найти в своей голове хоть какие-то отголоски воспоминаний, что она уже бывала здесь прежде.

Она мало что помнила о своей жизни во Франции. Дядя рассказывал, что до пяти лет она жила с мамой как раз в Провансе, но потом одна злополучная ночь поставила всё с ног на голову. В их доме случился пожар, и мама погибла. Отец, которого она тоже помнила лишь по фотографиям, забрал Женю к себе в Россию. Правда, вскоре он и сам зачах от лимфомы, успев стребовать с родного брата взять опеку над Женей. Так она и попала под крыло Константина Игнатьевича Читанова, светлого мага и экстрасенса.

Точнее, в дядиной версии изложения событий звучали такие фразы, как «французская шлюха загубила Андрею жизнь», «перекрыла брату жизненные каналы своим тёмным психею», «сгнула в адском пламени, так ей и надо, ведьме проклятой». Так что основную суть произошедшего Женя смогла понять, только когда достаточно повзрослела.

Сейчас она жадно разглядывала проплывающие за окном дома, машины, людей, но не чувствовала никакого трепета в сердце, никакого внутреннего интуитивного узнавания. Только удивилась, увидев качающийся на ветру камыш, когда они ехали мимо какого-то пустыря – самый обычный камыш, которого и в Самаре полно. И вдруг здесь, в другой стране, на лазурном побережье, за тысячи километров от дома. Чудеса...

– Так ты из России прилетела, получается? Давно здесь не была? – ворвался в её воспоминания голос Клэр.

– Давно, – подтвердила Женя. – Семнадцать лет почти.

– О-о-о, это целая вечность. За это время тут многое изменилось. Сейчас в Марселе, да и в Эксе тоже по ночам лучше одной не ходить, особенно девчонкам, ну ты понимаешь, да? Я вот вообще не выхожу на улицу без перцового баллончика, даже днём. Никогда не знаешь, когда

не повезет наткнуться на... – она покосилась на водителя, затем покопалась в своей поясной сумке и вынула аэрозоль. – Вот, возьми, это у меня запасной. Но вообще лучше купи шокер, он надёжнее.

– Спасибо, – благодарно кивнула Женя, пряча подарок в сумку. – Надеюсь, он мне не пригодится. Я ведь работать приехала, а не гулять. Тем более по ночам.

– Работать?

Пришлось вкратце пересказать события последней недели, опуская сокровенные подробности о Максе. Любовными терзаниями она не была готова делиться. И чем больше Женя рассказывала, тем сильнее хмурилась её попутчица.

– Странная какая-то история, – вынесла вердикт Клэр. – Зачем нанимать человека из другой страны для работы в архиве? Ладно, Экс-ан-Прованс – небольшой городок, но в Марселе-то наверняка нашёлся бы хоть один подходящий специалист. И зачем предоставлять проживание? К чему такие сложности и затраты?

– Не знаю.

Этими вопросами Женя задавалась ещё в России, но теперь, когда посторонний человек озвучил их вслух, стало окончательно не по себе. Она поёжилась.

– Уверена, что работа именно в архиве, а не в борделе каком-нибудь? – не унималась Клэр.

Когда до Жени дошёл смысл сказанного, она трясущимися руками достала из сумки папку с бумагами.

– Вот объявление, – передала она первый листок попутчице. – А вот здесь адрес и инструкции агентства. Что думаешь?

– Хм, «Roue du destin» – крупное сетевое бюро по подбору персонала. Слышала о нём.

– И?

– Возможно, действительно всё не так страшно.

Женя не сдержала вздоха облегчения.

– Не страшно, но странно. Всё же будь осторожнее, окей? И запиши мой номер на всякий случай, если у тебя вдруг отберут паспорт, а вместо кипы архивных бумаг выдадут пеньюар, плётку и пузатого клиента, воняющего анисовой водкой.

Представив эту ужасную картину Женя передёрнула плечами. Однако, она была благодарна Клэр за неожиданную поддержку и вбила в телефон новый контакт. На душе стало чуть теплее.

Минут через двадцать фары автомобиля высветили указатель «Chateau D'Épine» и водитель свернул с основной трассы. Вскоре показались смутные очертания древнего замка, слабо освещённого редкими фонарями. Он оказался точно таким, как Женя видела на фотографиях в интернете: старым, величественным и мрачным.

Двадцать шесть евро существенно ударили по бюджету, но это было гораздо лучше, чем семьдесят. И несомненным плюсом стало новое знакомство. Клэр училась в университете Экс-ан-Прованса и снимала квартиру в городе, а сейчас возвращалась с одной из туристических вылазок, которые запланировала на летние каникулы. Они договорились созвониться в ближайшие дни и выпить вместе кофе.

Женя проводила взглядом отъезжающее такси и ответно махнула рукой, когда Клэр высунулась из окна. Ощущение того, что в чужой стране появился хоть кто-то знакомый, придавало уверенности, а потому Женя легко взбежала по лестнице, попутно порадовавшись отсутствию чемодана. Вряд ли она смогла бы без посторонней помощи проволочь его по крутым каменным ступеням. Массивная на вид замковая дверь легко поддалась и даже не скрипнула.

Оказалось, что несмотря на старинный внешний вид замка, небольшое лобби внутри было отделано в современном стиле, элегантно и уютно. Стойка регистрации цвета красного дерева отгораживала часть помещения по левую руку, а над ней висели часы, показывающие

время в Париже, Лондоне, Нью-Йорке и Токио. Они громко тикали, и это было единственным звуком в пустом помещении.

«Вымерли они тут что ли... Да, час поздний, но разве кто-то из персонала не должен дежурить здесь круглосуточно?»

Женя растерянно посмотрела по сторонам, но ни за стойкой, ни на кожаных коричневых диванчиках у противоположной стены не было ни души. Ни одной *человеческой* души. Зато прямо на стойке восседал большущий черный кот и недовольно смотрел на пришлицу. Его короткая шерсть лоснилась в свете люстры, усы вызывающе топорщились, а кончик хвоста еле заметно подёргивался, словно он тут самый главный, а Женя без спросу ворвалась в его владения.

«Надеюсь, это не мсье Роше собственной кошачьей персоной» – промелькнула глупая мысль, и Женя нервно хихикнула.

Некоторое время она неловко мялась на месте, но усталость после перелёта неуклонно брала верх над нерешительностью. Так что, когда и спустя пять минут никто не объявился, Женя начала обходить лобби, заглядывая поочередно в каждый из многочисленных коридоров, ведущих из помещения. На третьем ответвлении ей повезло – одна из дверей была приоткрыта, и внутри горел свет.

Подойдя ближе, Женя глубоко вздохнула, постучалась и потянула за ручку. Её взору открылся кабинет, в котором за столом, заваленном ворохом бумаг, сидела миловидная брюнетка, на вид типичная француженка, с алыми губами и идеальным тёмным каре, волосок к волоску. Она подняла голову, и изумление на её лице быстро сменилось профессиональной любезностью:

– Бон суар, мадам, добрый вечер! Чем я могу вам помочь?

– Здравствуйте, – Женя неловко кивнула. – Извините, что отвлекаю, но я только приехала и хотела бы зарегистрироваться, а там, – она мотнула головой в сторону, – на ресепшн никого нет. Только кот.

– В каком смысле кот? – удивилась брюнетка. – В наш отель нельзя заселяться с животными.

– В прямом – чёрный такой, сердитый. Но он не со мной приехал, – сразу же открестилась Женя. – Я зашла, а он сидит.

– Ничего не понимаю, – вздохнула француженка, а затем устало откинулась на спинку кресла, помассировала виски и тут же встала. – В любом случае приношу вам свои извинения за задержку! Пойдёмте, я сама займусь вашим размещением.

Когда они вернулись в по-прежнему пустое лобби, кота уже нигде не наблюдалось. Девушка вопросительно посмотрела на Женю, но та лишь устало пожалала плечами.

– Сбежал, наверное.

Тогда служащая направилась к стойке и уверенно пробежала пальцами по клавиатуре компьютера, стоящего на столе. Женя протянула свои документы.

– Меня зовут Эжени Арно, и для меня должен быть забронирован номер.

В конце фразы, которую она много раз мысленно репетировала, её голос дрогнул. Чувство неуверенности и нереальности происходящего не покидало, несмотря на перелёт. Она нервно сжала пальцы на ремне сумки – вдруг сейчас выяснится, что всё это шутка. И что никто не приглашал её на работу и не бронировал жильё. Хотя, это был бы ещё не самый худший вариант. Слова Клэр о пеньюарах и плётках не выходили из головы.

– А, мадам Арно, конечно, добро пожаловать в Шато Д'Эпин! – Француженка мимолётно посмотрела в паспорт и положила его перед собой, а затем окинула любопытным взглядом Женю. – Из кадрового агентства предупреждали насчёт вас.

Женя с облегчением выдохнула: хотя бы сегодня никто не выгонит её на улицу на ночь глядя.

Внезапно дверь за спиной француженки щёлкнула и приоткрылась, оттуда высунулась растрепанная мужская голова. Тёмные кудрявые локоны в беспорядке торчали во все стороны, и создавалось впечатление, что их владелец только что проснулся, услышав голоса за стеной.

– О, Люк, как мило, что ты нашёл возможность к нам присоединиться, – с сарказмом произнесла француженка, не оборачиваясь.

Вслед за головой из-за двери появилось и всё остальное. Молодой человек был таким худым и высоким, что, казалось, ему пришлось пригнуться, чтобы не задеть головой притолоку.

– Извините, я... у меня были... мне срочно нужно было...

Его бледное лицо с крупным породистым носом побелело ещё сильнее. Жене стало жалко этого незадачливого соню, и она попыталась спасти ситуацию.

– Мсье де Гиз? – неуверенно произнесла она, протягивая руку для рукопожатия.

Девушка за стойкой звонко засмеялась.

– Нет, мадам Арно, управляющий музеем давно уже дома, наверное, видит третий сон. А это всего лишь наш Люк, он поможет вам отнести багаж. Меня, кстати, зовут мадам Бланшар, но вы можете называть меня Моник, мы вероятно будем часто видеться.

– Но у меня с собой только эта сумка, – смутилась Женья. Ей даже не пришло в голову, что перед ней сама управляющая отелем. Отчего-то она представлялась ей старше. – И зовите меня Эжени.

– Отлично, вот и познакомились, – Моник радостно хлопнула в ладоши и чуть привстала из-за стойки, оценивающе оглядывая Женю с головы до ног. – Что, вообще больше вещей нет? Ну и дела! Ладно, значит, Люк просто покажет, как пройти в хозяйскую часть замка и как завтра найти ресторан.

Она протянула поникшему Люку, стоящему рядом с виноватым видом, пластиковую карту, и кивнула в сторону одного из коридоров, ведущих из лобби:

– Сегодня кухня уже не работает, извини, Эжени. И надеюсь, ты ранняя пташка, потому что завтрак для сотрудников – с шести до семи. Не проспай, я познакомлю тебя с мсье де Гизом, он всё дальше объяснит. Оревуар!

Женья с благодарностью кивнула и перевела взгляд на Люка, который в свою очередь сделал приглашающий жест рукой. Коридор, по которому они двинулись, был обшит деревянными панелями. На стенах висели бра в виде старинных канделябров, но включены они были через один, из-за чего в коридоре стоял полумрак. Люк за всю дорогу не проронил ни слова, и Женья, хоть и жутко стеснялась, но всё же решилась задать вопрос, мучивший её с разговора с Моник.

– Эм-м-м... Люк? – она откашлялась. – Я прошу прощения...

– Да, мадам Арно?

От официального обращения Женья смутилась ещё сильнее.

– Я не очень поняла... Может вы объясните мне, что имела в виду Моник, говоря про «хозяйскую часть замка»?

– Речь о левой башне, где нет гостевых апартаментов. Там селят только сотрудников, если есть такая необходимость, и, кроме того, там проживает мсье Роше, владелец отеля, когда ночует здесь.

– И много сотрудников там сейчас живёт? – поинтересовалась Женья, изо всех сил пытаясь выглядеть невозмутимо.

– Сейчас никого, кроме вас и мадам Бланшар, все остальные служащие – местные, приезжают утром из Марселя или Экса. А мсье Роше крайне редко останавливается в отеле на ночь, хотя, конечно, его комнаты всегда держат наготове.

– Понятно... – пробормотала Женья. – А мсье Роше, он...

Люк бросил на неё красноречивый взгляд, и Женья тут же осеклась.

– Я не любительница собирать сплетни, мсье Люк. Я просто... просто хотела спросить...

– Во всех апартаментах отеля действует вай-фай, пароль можно узнать на стойке регистрации, – сообщил парень, невозмутимо глядя прямо перед собой. – Мы почти пришли.

Он потянул на себя одну из абсолютно одинаковых безликих дверей, и Женя ожидала увидеть стандартный гостиничный номер, но из открывшегося темного прохода пахнуло сыростью.

– Прошу...

– А куда мы, собственно говоря, идём? – Женя беспокойно передернула плечами, не торопясь нырять в неосвещенную неизвестность.

– В левую башню, – Люк посмотрел на неё, как на идиотку. – Я же только что говорил. Дверь ведёт на лестницу. Винтовую. Мы же в старинном замке, помните, да?

«Вот зараза высокомерная! Я же к тебе со всем пониманием, помочь даже хотела...»

Женя на секунду замялась. Идти первой непонятно куда ей совершенно не хотелось, но как вежливо отказаться... Наконец она решилась:

– После вас. Там так темно, что я боюсь оступиться.

– Как пожелаете, – Люк снова нацепил на себя маску невозмутимости. – Лестница действительно освещена не так ярко, как остальные помещения, но глаза быстро привыкнут. Держитесь за перила.

И он шагнул в проём.

Шахта лестницы шла вертикально вверх и была довольно узкой. По обе стороны прохода вились гладко отполированные деревянные перила, но подниматься вдвоем плечо к плечу, держась за них, было бы тесно. Узкие стёртые ступени заворачивались в спираль, как лопасти старинного веера. Или как нож в мясорубке, тут как посмотреть. Женя понемногу свыклась с высотой подъёма и царившим на лестнице полумраком, но на душе всё равно было тревожно. Она протянула руку и на ходу провела пальцами по внешней стене. Камень, шершавый и холодный.

«И это отель? Ладно, паутина с балок не свешивается, и на том спасибо. Интересно, а обычных постояльцев тоже в такую жуть селят? Фотки-то на сайте совсем другие. И вот как по этим ступеням чемодан тащить? А может где-то есть лифт, а этот Люк просто издевается? Мстит за то, что из-за меня Моник его застукала спящим? Странный он какой-то. И вообще всё здесь... странное».

Они прошли небольшую квадратную площадку на втором этаже и стали подниматься выше. К этому времени Женя уже в полной мере ощутила, что день был длинный, и она провела его на ногах. С их приближением на стене зажглась электрическая лампа, стилизованная под факел. Вероятно, сработал датчик движения. Женя поморщилась – это место нравилось ей всё меньше. Подрагивающий свет факела озарил площадку третьего этажа и две массивные деревянные двери с коваными вставками.

Люк приложил ключ-карту к электронному замку на одной из дверей и заученно протаторил:

– Свет включается слева. Вода в уборной прогревается не сразу – нужно полминуты выждать. Доброй ночи, мадам Арно.

– И вам, – только и успела ответить она в спину удаляющегося парня.

Бросив неприязненный взгляд на псевдо-факел, Женя прошла в комнату, нащупала рычажок выключателя. Под потолком вспыхнула изящная люстра-канделябр. Хорошо хоть лампочки были лишь имитацией свечей и горели равномерным электрическим светом. Сероголубая филёнчатая дверь с внутренней стороны выглядела довольно заурядно. Рама высокого окна тоже была вполне современной, пластиковой, никаких средневековых ужасов, впрочем, клетчатая расстекловка придавала ему особый французский шарм.

Молочно-белая отделка комнаты прекрасно гармонировала с голубоватыми обоями в мелкий цветочек, которые покрывали стену за изголовьем двуспальной кровати, устланной покрывалом в тон. У её дальнего края возвышался ворох пышных подушек.

Женя всё ещё топталась у порога, не в силах поверить, что жутковатая лестница привела к такой воздушной и уютной комнате, которая теперь в её полном распоряжении. После шести квадратных метров кухни у дяди Кости это помещение казалось поистине королевским.

«Да я как настоящая Мария-Антуанетта! Вау!»

А уборная... Женя не сдержала восхищённого вздоха, созерцая ванну на чугунных львиных лапах, стоящую посреди просторной комнаты с ещё одним окном. Большим французским окном в ванной! Женя немедленно задёрнула тяжёлые шторы.

«Не хватало ещё, чтобы за мной подглядывали».

Все эмоциональные переживания этого дня внезапно навалились тяжким грузом. Женя была готова рухнуть в постель не раздеваясь, но всё же нашла в себе силы принять душ и разложить вещи в гардеробной, размеры которой тоже её немало удивили.

Устраиваясь на мягкой перине Женя размышляла о том, что, наверняка, произошла какая-то ошибка, и её случайно разместили в таких роскошных апартаментах. Но усталость брала своё.

– Я подумаю об этом завтра, – тихо прошептала Женя и провалилась в сон.

7. Джинсы цвета фуксии

Среди ночи, еле соображая от усталости, Жене пришлось встать и, наткнувшись на всё подряд, спешно искать дверь в ванную. Организм напомнил о своих потребностях, когда ещё даже светать не начало. Возвращаясь в кровать, она приоткрыла окно, чтобы впустить в душную комнату побольше свежего воздуха. Но стоило ей потянуться к вожделенной подушке, как до слуха донеслись звуки, которые меньше всего можно было бы ожидать среди ночи – чей-то смех.

Это был жуткий смех, дробный, трагичный, будто кто-то давился собственной вымученной радостью. Женя замерла. Звуки оборвались. Но лишь на мгновение. Потом раздалась снова и громче.словно весельчак подобрался ближе и теперь стоял прямо под окном комнаты. В первый раз смех, хотя и чёткий, был очень тихим. Теперь он завершился раскатистым пассажем, который, казалось, отозвался эхом в каждой клеточке её дрожащего тела.

Перепугавшись до жути, Женя на цыпочках прокралась к окну и выглянула наружу, чуть отодвинув шторы. Снаружи стояла тьма египетская. Отблески фонарей до этой части фасада не долетали. В призрачном свете звёзд Жене удалось разглядеть какую-то мрачную громаду, возвышающуюся прямо напротив, но на некотором отдалении от башни, в которой её поселили.

Вновь зазвучал смех – на этот раз тихо, отрывисто и завершился странным бормотанием. Такого пробирающего до самого нутра, потустороннего смеха Женя ещё никогда не слышала. Странный звук не сопровождался никакими сверхъестественными проявлениями, но сама незнакомая обстановка, поздний час и неуместность происходящего пробудили в ней поистине суеверный ужас. Женя захлопнула окно, опрометью нырнула в кровать и, вся дрожа, накрылась одеялом. Некоторое время она так и лежала, убеждая себя, что это фантазия сыграла с ней глупую шутку. Пока наконец усталость не взяла своё, и Женя не заснула снова. На этот раз до утра.

«Тан-да-дан-та» – дурацкая мелодия из четырёх нот навязчиво ввинчивалась в мозг. Снова и снова. Женя повернулась на другой бок и натянула одеяло на голову, но это не помогло.

– Да что за... Ой!

С колотящемся сердцем она пыталась нащупать смартфон, а он никак не желал попадаться под руку.

– Только бы дядя Костя не услышал! Только бы не услышал... – шептала она, судорожно шаря под подушкой. – Как я могла забыть отключить звук? Да где же ты?! И откуда столько подушек? А... ой!

Женя наконец села в кровати и осмотрелась.

– Господи... Франция. Настоящая. И я здесь, – она спрятала лицо в ладонях, но надрывная мелодия будильника не дала как следует прочувствовать момент осознания.

Телефон нашёлся на комодe рядом с фарфоровой куклой, наряженной в льняное платье с белоснежными оборками и шляпку с веточкой лаванды на полях. Вчера Женя не обратила на неё особого внимания, и других впечатлений хватало. Наверное куклу рекомендовал модный дизайнер, что обустроивал интерьер в стиле «прованс». Она и правда выглядела стильно и старинно, но отчего-то Жене стало не по себе при взгляде на неё.

Экран показал пропущенный звонок от Макса и миллион сообщений в соцсетях. Женя бросилась писать ответ:

– Привет! Я добралась до отеля, переночевала. Пока всё норм.

– Просил же сразу набрать! – тут же прилетело от Макса. – Я беспокоился между прочим.

– Извини. Вчера уже поздно было.

Макс прислал сердитый смайлик и следом:

– Ладно, вай-фай там есть?

– Да, но я ещё не подключила. Надо спуститься на ресепшн за паролем.

– Женья, блин! Это надо было первым делом сделать! Роуминг же. Так, через пять минут жду твой видеозвонок. Покажешь мне, что там у тебя и как.

Телефон в руке вновь разразился примитивной мелодией – сработал второй будильник, который Женья выставила для подстраховки.

– Фра-а-ан-ци-я, – протянула она, подойдя к окну. – До сих пор не верится.

Но наслаждаться видом на аллею пирамидальных кипарисов, заманчиво выглядывающую из-за остроконечной башенки напротив, было некогда. Женья схватила полотенце и скрылась в ванной, и только там поняла, почему чувствует себя такой разбитой. Из-за жуткого смеха под окном! Вновь пережив кошмар минувшей ночи, она передернула плечами и решительно умылась.

Спустя двадцать минут Женья была уже внизу у стойки регистрации. Хаос на голове Люка к утру только усилился, и он тщетно пытался расчесать спутанные кудри пятернёй. Парень дежурно улыбнулся, пароль от вай-фая нацарапал на обратной стороне визитки отеля, а затем объяснил, как пройти в «цветочную» гостиную, в которой подают завтрак сотрудникам.

Жене сразу представился магазин флористики, где вдоль стен толпятся кадки, горшки и вазы со всевозможными букетами. Но, толкнув нужную дверь, она обнаружила довольно аскетично оформленное помещение. Букет нежно-голубых гортензий и правда имелся, красовался он посередине длинного стола, доски которого были небрежно выкрашены белой краской. Стулья оказались под стать – светлые, обшарпанные. Женья слышала, что порой дизайнеры специально состаривали современную мебель. Похоже, здесь был тот самый случай. Сероватые обои в мелкий лиловый цветочек и в рамках – три гербария из засушенной лаванды: вот, пожалуй, и всё, что могло бы хоть как-то дать оправдание благозвучному названию «цветочная гостиная».

– О, ты уже встала? – раздался за спиной голос. В отличие от неряшливого Люка Моник была идеальна, что ночью, что утром. Идеальное каре, идеальный макияж и не единого напоминания о том, что она работала допоздна. Сочетание белоснежной шёлковой блузки с короткими рукавами-фонариками и строгой юбки-карандаш цвета пыльной розы выглядело свежо и по-летнему, но при этом дорого и стильно. Женья невольно потеряла руками свои старенькие джинсы, купленные на распродаже, и еле заметно вздохнула.

– Доброе утро...

Покончив с любезностями, девушки расположились за столом, и рядом с ними тут же материализовалась официантка в белой блузке с бутоньеркой из лаванды и мяты, приколотой к нагрудному карману. Она шустро расставила тарелки с хрустящими тостами и разлила по чашкам кофе.

Пользуясь случаем, Женья решила обсудить ночное происшествие с той, кто всё здесь, в отеле, знает, как свои пять пальцев.

– Моник, я хотела спросить... ночью случилось кое-что странное, – осторожно начала Женья.

– Оу, в первую же ночь? – мадам Бланшар развеселились. – Когда ты успела-то? Люк же тебя до двери должен был проводить.

– Он и проводил. Но ночью я проснулась и слышала... – Женья смутилась. При свете дня вчерашние страхи стали казаться ей глупыми.

– Слышала что? – француженка выглядела заинтригованной.

– Странный смех, – Женья непроизвольно понизила голос, вновь ощущая, как по коже бегут мурашки. – Как будто прямо у меня под окнами. В темноте правда никого не было видно... но сам этот смех... ну просто жуткий! Потусторонний какой-то!

– А, это! – Моник изящно откусила кусочек тоста с апельсиновым джемом. – Это наши местные призраки шалют по ночам. Из тех, кого в темнице замучали до смерти предки мсье Роше. Не обращай внимания.

– Что?! – Женя округлила глаза и невольно затаила дыхание. – Призраки?!

– Ну да, – Моник пожала плечами. – В каждом уважающем себя старинном замке есть привидения. Ты разве не знала? В агентстве не предупредили?

– Н-не предупредили...

Внезапно французенка хихикнула и по-детски зажала рот ладонью. Глаза её озорно заблестели.

– Боже, Эжени, видела бы ты сейчас свое лицо! Я же просто пошутила! Ты что, серьёзно веришь в призраков?

И она расхохоталась.

Женины щёки пылали от неловкости. Ей хотелось провалиться сквозь землю.

«Господи, какой же идиоткой я себя выставила... в первый же день!»

– Но как же смех... – всё же тихо уточнила она.

– Ой, да кто-нибудь из постояльцев повеселился накануне и возвращался поздно в номер, – всё ещё широко улыбаясь, Моник пренебрежительно махнула рукой. – А ты, значит, в библиотеке работала?

Женя с радостью сменила неприятную тему и подробно отвечала на вопросы, но к концу первой чашки кофе ей стало казаться, что это вовсе не праздное любопытство мадам Бланшар, а самое настоящее собеседование, хоть она и не должна была стать её начальницей.

Внезапно Моник широко улыбнулась и помахала рукой кому-то за спиной Жени.

– Доброе утро, милый!

Через несколько секунд к их столику подошёл самый необычный мужчина, которого только могла себе представить обычная самарская девушка. Это был настоящий гигант, полный контрастов, и Жене пришлось практически запрокинуть голову, чтобы рассмотреть его полностью.

Сначала она упёрлась взглядом в джинсы цвета фуксии, обтягивающие мощные бедра, затем замороженно перевела взгляд на кипенно-белую футболку, не оставляющую простора для воображения, а наоборот подчеркивающую впечатляющий рельеф. Казалось, что через ткань можно пересчитать все кубики пресса. Сглотнув, Женя подняла голову и уставилась в обсидиановое лицо, на котором блестели умные карие глаза, обрамлённые пушистыми ресницами. Но, собственно, на этом волосяной покров головы и заканчивался.

Осознав, что уже полминуты бесстыдно пялится на подошедшего, а Моник и незнакомец с лукавыми улыбками наблюдают за её реакцией, Женя резко вскочила, чуть не опрокинув стул. Впрочем, это не помогло сравнять шансы, мужчина всё равно был выше её как минимум на две головы.

Молчание затягивалось, Женины щёки наливались огнём, но наконец Моник смилилась:

– Эжени, позволь представить тебе мсье де Гиза, управляющего нашим музеем.

– Доброе утро, красавица, – снова просиял мужчина яркой белозубой улыбкой.

Женя смутилась ещё больше, но выдавила робкое:

– Здравствуйте.

– Это Эжени, – представила её Моник. – Твоя новая подопечная.

– Моя? – мужчина удивлённо посмотрел на французенку.

– Твоя, твоя. Ты же искал архивариуса. «Ру дю дэстен» прислали её.

– Вот как.

Он отодвинул для Жени стул, приглашая вновь присесть к столу. Сам устроился рядом. Расторопная официантка подала ему кофе. Маленькая фарфоровая чашка тут же утонула в

его здоровенной ладони. А Женя ощутила себя ёжиком в тумане, что сидел рядом с огромным медведем. И туман в данном случае был не просто фигурой речи – в воздухе и правда повисла какая-то напряжённая неопределенность.

– Фабрис, в чём дело? – любопытствовала Моник. – Что случилось?

– Я звонил в агентство в среду, кандидатов на эту должность не было.

– Ну а теперь появились. «Ру дю дэстэн» обязательства выполнили. Я с утра отправила им подтверждение.

– Моник, рыбка моя, ты и без того слишком много работаешь. Оставь дела музея мне.

Француженка чуть нахмурилась.

– Ты не появлялся несколько дней.

– Открытие галереи в Марселе немного затянулось, – произнёс он, отпивая кофе.

– У тебя всегда так. Впрочем, это не важно. Но я не понимаю, в чём проблема? Эжени специально прилетела из России.

Женя удостоилась внимательного взгляда и множества вопросов про Самару, Эрмитаж, медведей и балалайки. Но вот чего за столом не обсуждали, так это новые обязанности Жени. А сама она спросить об этом так и не осмелилась.

Завтрак закончился радушным предложением полюбоваться прекрасным парком, что располагался с восточной стороны замка. А по дороге из «цветочной» гостиной управляющие дали ей подробные указания, как пройти к нужному выходу, а сами скрылись за дверью одного из кабинетов. Женя растерянно смотрела им вслед. Не таким она себе представляла знакомство с новым начальством.

Помявшись и теребя пуговицу на блузке, она всё же решилась на отвратительный поступок.

«Парк никуда не денется. Моя судьба мне важнее...»

Она осмотрелась по сторонам, сняла босоножки и босиком подкралась к двери. Можно было даже не прикладывать ухо, голоса и так были отчётливо слышны.

– Какой смысл брать Элен на лето, – возмущалась Моник. – Вот же квалифицированный сотрудник, подобранный профессиональным бюро. Зачем тащить сюда посторонних девиц?

– Элен – внучка мадам Бовье. Я пообещал старушке...

«Что обещал? Что за Элен?»

– Пора запретить тебе ходить на эти ваши культурные тусовки для бомонда. После них тебя постоянно посещают «гениальные» идеи. Фабрис, лето пройдет, Элен вернётся к учёбе, а мы снова будем растрачивать бюджет на кадровые агентства и поиск архивариуса. К чему лишние хлопоты?

– Мсье Роше может себе это позволить.

– И кстати о нём. Если Элен из университета Экс-ан-Прованса, то понятно, ради чего это всё затеяно. Эти студентки гроздьями вешаются на Эду. А я такого в своём отеле не потерплю.

– Мышка моя, отель вовсе не твой. И работать Элен будет у меня в музее.

– А как быть с Эжени?

– Пусть возвращается к нам в сентябре.

«Что?!»

– Как у тебя всё просто. Ты её видел вообще? Она, похоже, последние евро потратила на дорогу. Вещи простые, макияжа нет. Даже чемодана нет...

Дальше по коридору что-то зашумело, заставив Женю вздрогнуть и отпрянуть от двери. Вовремя. Из-за поворота вышел Люк с большой коробкой в руках. Он оглядел Женю сверху до низу, задержавшись взглядом на босых ступнях. Она не придумала ничего лучше, как повернуться и позорно сбежать, в последний момент вспомнив прихватить босоножки.

Стены, отделанные деревянными панелями были всюду одинаковыми, но Жене удалось добраться до своей башни и мрачной винтовой лестницы, ведущей наверх. Перепрыгивая через

две ступени, она взлетела на третий этаж и толкнула дверь комнаты. В нос ударил запах пыли и застоявшегося воздуха. Никаких светлых прованских интерьеров не было и в помине. В центре помещения меж ошестинившихся сломанных досок пола виднелись массивные деревянные балки. Пыль плясала в лучах солнца, пробивающихся сквозь окна, оклеенные малярным скотчем. В углу, где должна была стоять кровать, сгрудились мешки со строительными смесями, бобины с кабелями и пиломатериалы.

«Вот чёрт!»

Женя попятилась.

«Лестница та же, а комнаты нет? Может, я этаж перепутала?»

Она поднялась выше, но здесь двери не имелось вовсе, а взгляду открылся чердак с низким скошенным по кругу потолком, словно он был шляпкой подосиновика. Всё пространство было заставлено коробками и мебелью, накрытой белыми чехлами.

Теперь, неторопливо спускаясь на первый этаж башни, Женя видела то, на что не обратила внимания прежде, когда в панике мчалась к себе в номер – ступени лестницы были перепачканы, ненавистных факелов-бра больше не наблюдалось, а вместо них из стен торчала проводка.

Женя вернулась в коридор и озадаченно осмотрелась. Затем отряхнула ступни и обула босоножки, что до сих пор сжимала в руках.

«Всё нормально, сейчас у кого-нибудь спрошу дорогу».

И действительно, за одним из поворотов она наткнулась на тележку горничной, а из приоткрытой двери доносился шум пылесоса. Женя заглянула в номер, который оказался вполне стандартным, как на фотографиях с сайта отеля. Женщина лет сорока в белом фартуке приветливо улыбнулась.

– О, мадам, это же правое крыло здания, – ответила она на вопрос. – А хозяйская башня расположена в левом. Добраться можно двумя путями: вернуться на ресепшн или в обход через жилое крыло.

– В обход! – выпалила Женя.

Вновь сталкиваясь с Люком совершенно не хотелось, так что другой вариант даже не рассматривался. Вскоре она с облегчением выдохнула, закрыв за собой дверь комнаты. Мелкие цветочки на стенах всего за одну ночь внезапно стали такими родными и близкими, что даже просто от взгляда на них Жене становилось спокойнее. Хотя какое уж тут спокойствие, после новостей, которые ей удалось выяснить...

Макс ответил на видео-звонок моментально, как будто сидел с телефоном в руках и ждал.

– Ну? Чего так долго? – проворчал он. – Я уже начал волноваться и гуглить телефон Интерпола.

– Я ходила на завтрак, – призналась Женя и сразу же добавила, чтобы предотвратить вопли возмущения: – Это был завтрак с начальством!

– Смотри у меня! – Макс шутливо пригрозил пальцем. – Ладно, сейчас расскажешь. Но первым делом покажи, куда тебя поселили.

После краткой экскурсии по своим «покоям Марии-Антуанетты», во время которой друг трижды присвистнул, Женя устроилась поудобнее на кровати, подложив под спину пухлую подушку, и стала изливать душу.

– ... и тогда он заявил, что пообещал моё место внучке какой-то там мадам Бовье! А мне лучше в сентябре ещё раз приехать!

Женя возмущённо смотрела в камеру, ожидая реакции Макса. Всё её спокойствие испарилось под напором вновь пережитых эмоций.

– Огромный негр в розовых джинсах? – ошарашенно переспросил парень.

– Максим! Это всё, что ты услышал из моего рассказа?! И, между прочим говорить «негр» нельзя, это нетолерантно, – Женя укоризненно покачала головой, а потом тяжело вздохнула и тихо спросила: – Что мне делать?

– Снимать розовые штаны и бегать, – ухмыльнулся он.

– Ну Ма-а-акс, я же серьёзно с тобой говорю, а ты...

– А я уже гуглю другие вакансии в твоём городке. – С экрана на миг исчезла его русая шевелюра, появился монитор компьютера со светящимся заголовком «Экс-ан-Прованс», а потом вновь Максим направил камеру на себя. – Видишь? На этом сайте я тебе вакансию нашёл. По-любому найдем и другую, тем более ты уже на месте. Сейчас кину ссылку. Сама тоже посмотри, а то я с переводчиком до утра возиться буду.

Макс привычно улыбался, излучал позитив, и на душе стало немного легче. На пару секунд. Пока на экране русую голову не потеснила блондинистая.

– С приездом в новую жизнь! – поздравила Лиза, повернулась к Максиму и звонко чмокнула его в губы. – Извини, нам пора.

Изображение зашуршало, замелькало, отражая то комнату, то стол, то руки.

– Эй, погоди, отдай телефон, – донёсся голос Макса сквозь возню и девичье хихиканье, а затем связь оборвалась.

Внутри всё словно коркой льда покрылось. Так, что вдохи давались с трудом. Видеть этих двоих вместе было просто невыносимо.

«Могло ли всё сложиться иначе? Могла ли я быть сейчас там, с ним..?»

Женя уткнулась в подушку и долго лежала, вздрагивая от рыданий, пока за на улице кто-то не завопил. Следом скороговоркой посыпались бранные словечки, которых по большей части Женя не знала, но общий смысл уловить сумела. Она подскочила к окну и увидела, как двое мужчин в одинаковой униформе волоком тащат огромный деревянный стул.

«Это трон что ли?»

Массивные подлокотники выглядели потемневшими от времени, но при этом то и дело поблескивали на солнце. Вероятно, свет отражался от металлических накладок, украшающих старинный предмет мебели. Во всяком случае так казалось из окна третьего этажа. Одна из перекладин кресла так и норовила попасть по ноге тому, кто держал переднюю часть. Он-то и ругался... На Фабриса. Женя четко уловила имя своего, похоже не состоявшегося, начальника.

«Да и чертополох с ним! Как бы там ни было, Макс прав – нужно срочно найти другую работу. Не домой же возвращаться! Дядя Костя меня убьёт! Нет. Сначала проклянёт, потом убьёт. Или в обратном порядке».

Женя умылась, переплела косу, поправила одежду и отправилась в кипарисовую аллею, где заметила белую лавочку из ажурнойковки. Деревья дружелюбно шумели над головой, словно подбадривали. Пахло свежескошенной травой и сладкой сдобой – несмотря на ранний час, садовники и повара в ресторане уже давно начали свой рабочий день. Дневная жара ещё не успела набрать силу, но уже сейчас чувствовалось подступающее горячее дыхание прованского лета. Впрочем, в тени кипарисов сидеть было одно удовольствие. На свежем воздухе, тем более с видом на такую красоту вокруг, как-то и думалось легче, и поиск вакансий не казался чем-то совсем уж страшным.

Женя сохранила в заметки телефона наиболее подходящие варианты, где у неё были хоть какие-то шансы. И даже по ходу попробовала звонить по указанным номерам, но в воскресенье это оказалось бессмысленным. А потому она решила воспользоваться предложением управляющих и прогуляться по замковому парку, развеяться, отвлечься от невеселых мыслей.

Может уже завтра у неё не будет такой возможности...

8. Реквием по надеждам

Любуясь стройными рядами кипарисов, тянущихся вверх, словно ракеты, готовые к старту, Женя и сама не заметила, как прошла всю аллею до конца. Затем свернула на усыпанную гравием тропку, и вскоре строгие упорядоченные линии вечнозелёных красавцев сменились хаотично растущими кряжистыми деревьями, высокими, с переплетающимися стволами. Они были совсем не похожи ни на какие из известных ей деревьев, и Женя из любопытства подошла поближе к одному из этих гигантов. Кора оказалась серебристо-коричневой, с трещинками, а кое-где от нее даже отслаивались некрупные пластинки. Задрав голову, Женя разглядела узорные листья, до боли напоминающие что-то, и недлинные острые шипы на молодых ветках.

Когда необычная рощица расступилась, Женя оказалась перед старой каменной стеной метра четыре высотой, поросшей зелёно-бурым мхом. Местами кладка обвалилась, а провалы затянулись колючим кустарником.

«Интересно, это тоже когда-то было одной из замковых построек?»

Ответом на её мысли стало карканье чёрного ворона, что сидел на ветке дерева и, чуть склонив голову на бок, пристально следил за Женей тёмными глазками-бусинками.

– Доброе утро, – зачем-то поздоровалась она и зашагала вдоль стены, обхватив себя руками, будто этот жест мог укрыть её от неприятного пронизывающего взгляда птицы.

Тропинка стала уже, а потом и вовсе оборвалась возле раскидистого куста с желтоватыми резными листьями, похожими на те, что росли на деревьях в рощице. Женя в последний момент заметила на ветвях колючки и резко уклонилась, огибая опасное препятствие, но тут же споткнулась, не удержалась и растянулась на земле.

– Вот тьма!

Отряхивая от грязи ладони, она взглянула на камень, о который расшибла коленку: на гладкой поверхности проступала выгравированная надпись, но буквы, стёртые временем, было уже не разобрать. В паре метров от него нашёлся ещё один камень с оттиском слов, а потом другой, третий...

«Ого, какая лохматая старина... Нужно быть аккуратнее, стена совсем разваливается на части. Интересно, что там написано? Может раньше это была единая надпись?»

Так она рассуждала, пока стена не закончилась постаментом из каменных блоков и крестом на нём, тоже каменным.

Женя коснулась рукой холодной кладки и сдвинула в сторону разросшийся плющ.

«Поль Готье, 1834-1876...»

Ниже слова было не разобрать, но и того хватило, чтобы отпрянуть от памятника. Женя огляделась вокруг и нервно сглотнула. Разбросанные по земле камни с надписями были вовсе не отколовшимися частями старинной постройки.

В корявых ветвях деревьев мрачно шуршал ветер. Ворон снова зловеще каркнул.

«Тот же самый? Преследует он меня что ли?!»

Зябко передёрнув плечами, Женя поспешила обратно. Сама толком не понимая причин своей тревоги, она торопливо шагала по гравию, периодически переходя на бег. В итоге вбежала в отель запыхавшаяся, с перепачканными ладонями и разбитой коленкой, хорошо хоть последнюю скрывали джинсы, которые теперь нуждались в стирке.

На ресепшн вместо Люка обнаружилась миловидная блондинка с длинными волосами, собранными в высокий хвост.

– С вами всё в порядке, мадам...? – спросила она обеспокоенно и подала бутылочку воды.

– Эжени Арно. Я вчера заселилась.

Женя чуть расслабилась и сделала пару глотков.

– О, мадам Арно! – оживилась француженка, с любопытством разглядывая Женю теперь уже как потенциальную коллегу, а не гостя отеля. – Как удачно, что вы зашли! Я как раз собиралась к вам зайти.

– Я гуляла в парке, – смутилась Женя.

– Мм, ясно. Мсье де Гиз просил сообщить вам, что будет ждать вас здесь, в лобби, в одиннадцать.

Женя бросила быстрый взгляд на часы, висевшие на стене.

– Так это уже через пять минут!

«Даже руки не успею помыть...»

– Нет, нет, мадам Арно. Вам назначено на одиннадцать вечера.

– Что-то поздно, – недоумённо нахмурилась Женя. – Вы уверены?

– Абсолютно. Мсье де Гиз очень занятой человек. На данный момент его нет в отеле.

«Чтобы выгнать меня, не обязательно было ждать до вечера».

Женя пожалала плечами, поняв, что плюсы от ситуации тоже есть.

«Во-первых, полно времени привести себя в порядок. Во-вторых, не вышивырнет же он меня на ночь глядя. Значит, и следующую ночь переночую здесь. А там уже и понедельник, список вакансий у меня есть. Я справлюсь. Должна справиться! Выбора-то нет».

– Спасибо, – поблагодарила она девушку за стойкой и тут вспомнила одну немаловажную деталь: – Кстати, я хотела узнать насчёт паспорта, мне его вчера так и не вернули. Кажется, он остался у мадам Бланшар.

– Не стоит беспокоиться, мадам Арно. Я уточню и сообщу вам чуть позже.

Женя кивнула и бросила взгляд на бэйдж, висящий на груди её собеседницы.

– И ещё вопрос, Аннет, если можно... – она махнула рукой в сторону парка. – У вас там что, кладбище?!

– О, вероятно вы про старую часовню.

– Нет, нет. Там только стена и... могилы.

– Да, всё верно. На территории есть старинная церковь, точнее те руины, что от неё остались, но гости отеля не прочь сделать там парочку селфи, – француженка слегка усмехнулась. – Но за стену обычно никто не ходит. Там ведь действительно имеются старые захоронения, но они расположены довольно... в роще боярышника... не видно...

Девушка, видимо, относилась к тому типу людей, которые, увлечшись темой, начинали говорить всё быстрее и быстрее. Она рассказывала что-то ещё, но так неразборчиво, что Женя перестала улавливать смысл слов, слившихся в одну сплошную тарабарщину.

– Прошу прощения, но не могли бы вы говорить медленнее, пожалуйста. Вы сказали – роща боярышника?

Блондинка сочувственно улыбнулась и произнесла нарочито громко и отчётливо, как будто Женя только что призналась в собственной глухоте:

– Вероятно, вы спутали дорожки, мадам, и подошли к церковному двору с западной стороны.

«Сегодня, кажется, не мой день...».

– Там вокруг действительно растёт много боярышника. Представляете, некоторым деревьям больше ста лет, – продолжила девушка. – Именно в честь них замок, в котором располагается отель, и получил своё название.

«Точно, как же я не сообразила... ведь в Шато Д'Этин последнее слово означает на французском как раз шип или колючку. Но вообще дерево-боярышник – это странно! Я сто раз видела в России кусты с ярко-красными ягодами, но чтобы три метра высотой...»

Пока Женя размышляла, Аннет, профессионально излучая благожелательность, продолжала свою маленькую виртуальную экскурсию, которая была бы ценнее, случись она чуть раньше.

– А вот если пройти чуть дальше, обойти колючие заросли, то окажетесь в деревне. То есть не в самой деревне, естественно, а в том, что от неё осталось. Говорят, там случился ужасный пожар...

Женя мысленно застонала.

«Совершенно точно не мой день...»

– Да, пожалуй, кроме обгоревшего дома барона Сен-Мара там и смотреть-то нечего. – Словоохотливая француженка снова начала разгоняться в скорости речи: – был каменным... дом... барон... как часовня...

И Женя с превеликим удовольствием прервала эту пытку, сославшись на срочное дело.

Найдя нужную дверь в нужную башню с первого раза, Женя поднялась к себе в номер и забралась в просторную овальную ванну на львиных лапах, твёрдо решив смыть эманации неудачного утра. Она рассматривала баночки и флаконы, что выстроились в ряд на полке, выбрала один, и высыпала целую горсть мерцающей соли в воду, отчего та приобрела лёгкий фиолетовый оттенок с едва уловимым, но приятным ароматом лаванды.

– Вот могут же люди себе такое позволить, – с нотками зависти в голосе произнесла Женя, свободно бултыхая ногами. – А кто-то вообще всю жизнь живёт в роскоши.

Она вдруг представила мсье де Гиза в полутораметровой ванне у дяди Кости – как он не может там ни развернуться, ни повернуться, колени согнуты, нелепо торчат над водой и упираются в подбородок.

Женя хихикнула.

«А ещё он наверняка услышит через вентиляцию, как Роза Ильинична напевает гимн Советского Союза, а соседка с седьмого этажа купает кота под его истошные вопли.»

Закончив с банными процедурами, Женя накинула пушистый белый халат, что прилагался к комплекту отельных полотенец, а потом достала из сумки коробочку с таро.

«Я почти как дядя Костя, только звёзд на халате не хватает.»

Женя расположилась на кровати, прикрыла глаза, мысленно проговаривая сложившуюся ситуацию. Пять карт расклада «на карьере» заняли свои места, и Женя помрачнела. Собрать картину воедино не получалось, слишком всё вышло расплывчатым и бессвязным. Или она не настроилась на нужный лад, или не хватило опыта в считывании информации. Старший аркан «Верховный жрец», казалось, вообще пребывал сам по себе и не вязался с младшими.

«Мудрый, сильный наставник – не знаю как насчёт мудрости, но мсье де Гиз определенно силен. Хотя, – Женя покачала головой, – он здесь не причём, меня ведь не примут сюда. Может, тогда трактовать как институт, университет? Тоже не сходится. Я ведь собираюсь работать, а не учиться.»

Она внимательно всмотрелась в изображение мужчины, сидящего на высоком троне. Дядя Костя говорил, что не обязательно знать наизусть расшифровку из учебников, порой достаточно проникнуться картинкой, прочувствовать её суть душой. На долю секунды Жене показалось, что жрец на карте смотрит на неё глазами владельца отеля, Эдуара Роше, фото которого она разглядывала в самолёте. Но нет, наваждение исчезло, и Женя вздохнула, убрала карты и снова открыла сайт с вакансиями.

В положенное время она сходила на обед, а потом и на ужин, каждый раз опасаясь, что её с позором прогонят. Но ничего подобного не случилось. Персонал был учтив и вежлив. Правда, в полной мере оценить французскую кухню Жене мешало возрастающее напряжение.

«Что скажет мсье де Гиз? Вдруг Моник убедила его взять меня, а не чью-то там вничку? – В это, конечно, не верилось, не настолько Женя была везучая, но робкая надежда всё же теплилась в груди. – Переночевать ведь мне разрешат? А не выставят ли мне счёт за этот день?»

Без десяти одиннадцать Женя, нервно выкручивая пуговицу блузки, спустилась в лобби.

– Эжени, крошка моя, как хорошо, что ты пунктуальна!

Фабрис жизнерадостно улыбался, но Женя не поддавалась его обаянию, предчувствуя впереди неприятный разговор. Управляющий сделал приглашающий жест рукой и направился в один из коридоров, который она не успела обследовать за те неполные сутки, что пробыла в отеле. Догнав мужчину, Женя пошла рядом, примеряясь к его размашистому шагу.

– Ну что, готова увидеть своё рабочее место?

– Рабочее место? – растерянно переспросила Женя. – Но как же... Я думала...

– Знаю, знаю, ты думала, что приступишь с понедельника. Но завтра у меня встреча с поставщиком в Марселе. Почему бы нам не начать пораньше, а? – он игриво подмигнул. – Уверен, тебе понравится!

Женя промямлила что-то неразборчивое, не могла же она признаться, что подслушала их разговор с Моник и всё знает, про Элен и её бабушку. Было бы крайне глупо со стороны Фабриса говорить про рабочее место, а потом предлагать вновь приехать через пару месяцев. Всё это выглядело довольно странно...

– Сразу должен предупредить и извиниться, – тем временем сообщил управляющий музеем. – У нас произошла небольшая накладка, и вакансия, на которую тебя собеседовали, оказалась временно занята. Человека туда взяли лишь на стажировку, так как из агентства долгое время не было никаких положительных новостей. С середины сентября я готов перевести тебя в архив, как и планировалось. А пока... я приготовил для тебя нечто особенное!

Женя молчала, никак не реагируя на его слова, но происходящее нравилось ей всё меньше и меньше с каждой новой репликой Фабриса. Не видя никакого отклика, управляющий стал ещё больше стараться заинтересовать Женю, словно от этого зависело что-то важное.

– Я понимаю, это несколько неожиданно... Но поверь мне, принцесса моя, новая работа гораздо интереснее. И потом, судя по твоей анкете, которую переслали из агентства, она больше подходит тебе и твоему огненному темпераменту.

Он на ходу ласково погладил Женю по волосам и слегка потянул за косу. Она оцепенела.

«Что ещё за фамильярности?! И эти намеки на темперамент...»

В её мыслях промелькнули все те ужасы, про которые говорила Клэр.

– Правда работать иногда придется и по ночам. Сама понимаешь, не все готовы заниматься этими делами при свете дня. Настроение не то, знаешь ли. Но зато это оплачивается дополнительно, всего за пару месяцев заработаешь кучу денег.

– Какими ещё «этими делами»? Вы на что намекаете?!

– О, сейчас это очень популярно, поверь мне. От клиентов отбоя нет. Нам приходится комплектовать желающих в группы, чтобы не упускать клиентов...

– В группы?!

– Я и сам бы не прочь в таком поучаствовать в качестве гостя, – он игриво подвигал бровями, – но по долгу службы уже, к сожалению, знаю всю программу...

За подозрительным разговором Женя не заметила, как коридор закончился, и они подошли к музею. Оказывается, он располагался на первом этаже центрального корпуса замка и, судя по всему, занимал немало пространства. На двустворчатой деревянной двери красовалась табличка – «Musée Provençal du Moyen Âge».

«Прованский музей Средних веков», – по привычке перевела про себя Женя, прежде чем Фабрис толкнул створки.

– Добро пожаловать в мою скромную обитель! Наш музей, конечно, не претендует на славу Парижского – в знаменитом отеле Ключи, но и мы собрали немало эксклюзивных экспонатов.

Большой светлый зал с высокими окнами пустовал, лишь над угловой витриной склонилась пожилая женщина в строгом чёрном платье и усердно натирала её поверхность тряпкой. На стенах красовались яркие витражи и старинные тканые шпалеры, чередовавшие библейские сюжеты и изображения странных цветов, еще более странных птиц и уж совсем странных чело-

веческих существ. По периметру помещения выстроились стеклянные витрины. Женя мельком окинула их взглядом и удивилась разнообразию выставленных экспонатов. Она успела заметить и предметы быта, и сверкающие украшения, и эмалевые миниатюры. Если бы не нелепая ситуация, в которую она попала, Женя с удовольствием побродила бы здесь подольше. Лучше уж по музею, чем по старому церковному погосту.

– Мадам Трюдо, что вы здесь делаете в такой час?

– Матиас обещал заехать за мной, да задержался. А здесь вот витрина запылилась...

– Что же, – лучезарно улыбнулся старушке Фабрис. – В таком случае сразу представлю вам нашу новенькую, она будет заниматься VIP-программами.

Старушка смерила Женю неприязненным взглядом, возвращая её от восхищения музейными экспонатами к неприглядной реальности.

– Вам, мсье де Гиз, конечно, как начальнику, виднее, но сами знаете – не одобряю я всех этих новомодных штучек, – она поджала по-старчески сухие губы, ну прямо как Женина соседка, Роза Ильинична. – Тьфу, непотребство одно...

– Это бизнес, мадам Трюдо, – пожал плечами Фабрис. – Спрос, как говорится, рождает предложение. Ничего личного...

После слов смотрительницы Жене стало окончательно понятно – ничего хорошего, или хотя бы приличного, её не ждёт!

– Что... чем... – омертвевшие от ужаса губы не хотели подчиняться. Женя резко затормозила. – Чем вы предлагаете мне заниматься?

– Сейчас ты и сама всё поймёшь, булочка моя, не маленькая! – он хохотнул, распахивая перед ней дверь следующего зала и слегка подталкивая вперёд. – Осматривайся!

Красный и все его оттенки Женя ненавидела, а потому стены, задрапированные ярко-алой тканью, вызвали только одно желание – броситься прочь! Попятившись, она упёрлась в твёрдую грудь Фабриса и тут же, как ошпаренная, отскочила, едва не налетев на деревянного коня, сбитого из посеревших от времени досок и поленьев, приделанных в качестве ног. В лучах направленного света от потолочного спота отчётливо выделялась странная узкая спина, сколоченная треугольником на манер двускатной крыши.

«На детскую лошадку не похоже, да и с чего бы ей здесь быть. Арт-объект?»

Слева от странного коня величественно возвышался тот самый нарядный трон, который Женя утром заприметила из окна. Массив тёмного дерева контрастировал с красной тканью стен и вселял ужас. Мертвенный холод сковал тело от осознания, что на солнце блестели вовсе не украшения. Сотни металлических шипов рядами располагались на спинке и сидении массивного трона, а подлокотники были увенчаны круглыми капканами, изъеденными ржавчиной.

– Это ч-что? – Женя повернулась к Фабрису и столкнулась с насмешливым взглядом. Белозубая улыбка сверкала в полумраке на обсидиановом лице, словно оскал чеширского кота. Мощная фигура управляющего закрывала весь дверной проём.

– Впечатляет, да? – он потянулся и погладил висящий на стене справа от входа металлический ошейник, любовно пробежался пальцами по звеньям тянущейся от него цепи, дотронулся до странного инструмента, похожего одновременно на кочергу и на колотушку для мяса. – Тебе придётся досконально изучить, для чего предназначен каждый предмет в этой комнате!

Сердце Жени учащённо загромыхало, отдаваясь в висках. Кажется, даже было слышно, как кровь бежала по венам. Или то был страх, разносящийся по телу с каждым ударом пульса. Яркой вспышкой в памяти всплыли слова Клэр о плётках и клиентах.

– М-мсье де Г-гиз...

9. Тайны прошлого

Женя встала с ноющих колен, потянулась и одёрнула юбку. В пояснице, затёкшей от долгого стояния на четвереньках, что-то предательски хрустнуло.

«Господи, ну словно бабка старая!»

Зато в руке был победно зажат дурацкий винт от пыточных тисков, который закатился под стол, в самый пыльный угол. Ей пришлось постараться, чтобы достать его – сначала рукой, потом длинной линейкой.

Макс уже несколько дней изводил её просьбами прислать подробные фотографии или видео чего-то из имеющегося арсенала. Каждый его звонок отдавался в душе тоскливой болью, но, вместе с тем, Женя была благодарна ему за поддержку. И вот сегодня, дождавшись, пока смотрительница выйдет, она воровато прокралась в пыточную и ненадолго позаимствовала из экспозиции чугунные тиски для больших пальцев – кошмарное изобретение средневековых инквизиторов.

Смотрительница, грозная мадам Трюдо, хоть и выглядела, как божий одуванчик, имела внутри поистине металлический стержень. Если бы она заметила непорядок во вверенном ей музейном имуществе, то не погнушалась бы не только обругать виновницу, но и применить эти самые злополучные тиски к Жениным пальцам. Поэтому Женя очень нервничала и торопилась, фотографируя жуткий музейный экспонат со всех ракурсов. А когда попыталась раскрутить винт, чтобы пошире раздвинуть металлические «челюсти» и поближе подобраться камерой телефона к коротким шипам на внутренней стороне, железка в форме легкомысленного бантика внезапно легко поддалась, выскользнула из рук и, ехидно позвякивая, укатилась в пыльную даль.

Несмотря на кошмарный антураж, новая работа Жене пришлась по душе. Высылая Максу сделанные фотографии, она покачала головой, вновь со стыдом вспоминая тот позорный скандал, который закатила Фабрису в прошлое воскресенье, когда он впервые привел её в один из залов музея. Тот самый, из которого она сегодня позаимствовала тиски.

Мсье де Гиз хохотал, как сумасшедший, когда до него наконец дошло, что именно Женя надумала себе про «интересную работу, которая ей непременно понравится». И кроме того, он, похоже, в красках пересказал всё Моник – судя по тому, что она весь следующий день усиленно прятала улыбку, так и норовившую появиться на лице при виде Жени.

Кроме стандартной программы с обзором экспонатов, расположенных в залах, сотрудники «Прованского музея средних веков» проводили тематические экскурсии, зачастую довольно необычные. К их организации как раз и привлекли Женю, так как работы, особенно в разгар туристического сезона, было невпроворот. Ей приходилось преодолевать смущение, чтобы общаться с подрядчиками и актёрами, которые были задействованы в программах, но это было действительно увлекательно. Особенно по сравнению с унылым прозябанием в библиотеке под ястребиным взором Тамары Владимировны. С другой стороны, в библиотеке всегда были под рукой книги, в волшебных мирах которых можно было укрыться от жизненных невзгод. Да, книг Жене не хватало.

Самой популярной музейной программой был костюмированный перфоманс «По следам прованских ведьм». Гостям предлагалось принять участие в различных колдовских ритуалах, конечно же, вымышленных. Всё происходило в ночное время в одном из залов музея – в пыточной – с участием приглашенных актёров. Туристы очень радовались возможности «пощекотать нервишки» на отдыхе. Иногда на эту программу даже записывались целыми группами, например, на корпоративы или в качестве тематической вечеринки на день рождения.

Тиски удалось благополучно вернуть на место до возвращения пожилой смотрительницы, и следующий час Женя уже почти привычно отвечала на письма и составляла отчёты. За пят-

надцать минут до начала обеденного перерыва в каморку, где располагалось сердце музея – компьютер и сейф с бутылочкой настойки на альпийской полыни, употребление которой мадам Трюдо выдавала за предписание доктора – заглянула Моник.

Женя подозревала, что мадам Бланшар была лет на семь-восемь старше – ведь управление отелем вряд ли бы доверили её ровеснице – но внешне это было практически незаметно, а спросить напрямик – неловко. Француженка как всегда выглядела свежо и элегантно, словно и не бегала полдня по этажам на высоченных шпильках. Она оставила какие-то бумаги, пообщалась мадам Трюдо и поинтересовалась, глядя больше на Женю, чем на смотрительницу:

– Идёте обедать?

Старушка отрицательно покачала головой.

– Так пятнадцать минут ещё... – Женя растерянно взглянула на часы.

– Ничего, подадут пораньше, – отмахнулась Моник. – Мне через полчаса уезжать на встречу в Марсель. Идём, Эжени, расскажешь хоть, как обустроилась, есть ли какие-то сложности, проблемы.

Женя до конца не понимала, какие отношения сложились между управляющими. Моник и Фабрис общались между собой весьма дружелюбно. Но воспоминание о том, как мадам Бланшар приняла Женю на работу без ведома мсье де Гиза было ещё свежо в памяти, так же как и неудобная ситуация с Элен, последовавшая за этим самоуправством. Поэтому Женя настороженно отнеслась к расспросам Моник и ни на что не жаловалась. Впрочем, работа действительно оказалась интересной.

По дороге в «цветочную» гостиную, обсудив деловые моменты, девушки переключились погоду:

– Небывалая для июля жара, да? – вздохнула Моник.

– Ага, жарко.

– И как только мадам Трюдо выживает при такой температуре в своем наглухо застёгнутом чёрном платье? О, кстати о платьях! – Моник бросила на Женю загадочный взгляд. – У тебя есть планы на вечер?

– Я думала прогуляться по парку... – осторожно ответила Женя. – А что?

– Поехали в Экс! Пройдемся по магазинам. Не обижайся, Эжени, но тебе не помешает немного обновить гардероб. Это никуда не годится, что ты приехала всего с одной сумкой и теперь вынуждена постоянно ходить в одном и том же. А в музей всё-таки порой и важные гости заходят, не только простые туристы. Ты – лицо музея, понимаешь, о чём я?

– Да, но... – Женя замялась. Слова француженки про одежду не задели её, но вот признаваться в отсутствии денег было жутко неловко. Но Моник словно и сама догадалась, что её беспокоит и хитро подмигнула.

– После обеда проверь онлайн-банк. Сегодня день аванса!

Женя покраснела и неловко кивнула. Действительно, мсье де Гиз же говорил об этом позавчера, когда отдавал ей новенькую, оформленную на её имя банковскую карту. Но каждый день ей приходилось изучать столько всего по работе, что конверт с картой так и остался лежать невскрытым в комнате.

– Спасибо, Моник, – от души поблагодарила Женя, внезапно расчувствовавшись. – В моей жизни произошли серьёзные перемены. Переезд в другую страну... И вообще... Я благодарна тебе за поддержку и помощь. – Да брось, ничего особенного, – француженка легкомысленно отмахнулась, но было видно, что ей всё же приятно.

Сотрудники отеля ещё не начали стекаться в ресторан, но на одном конце длинного деревянного стола действительно было уже накрыто на двоих. Моник отодвинула стул и села, расправляя салфетку. Женя последовала её примеру. Дождавшись, когда официантка расставит перед ними тарелки с луковым супом и отойдет, Моник продолжила:

– Порой, здесь бывает невыносимо скучно.

Женя удивлённо взглянула на подругу.

«Скучно?! Здесь?»

– Я даже не заметила, когда любимая работа превратилась в ежедневную рутину. Но мне кажется, теперь станет повеселее. Уверена, у тебя припасено много забавных историй про заснеженную Россию. В общем, я рада нашему общению! И потом... не могу же я вот так запросто обедать вместе с собственными подчинёнными? Это как-то, знаешь ли, непрофессионально. А в нашем случае все приличия соблюдены: я работаю в отеле, ты – в музее.

– В таком случае, и я рада составить тебе компанию, – Женя улыбнулась. – Кстати об историях.. Со мной произошёл такой странный случай в прошлое воскресенье...

– Ещё один? – Моник усмехнулась, намекая на ночь приезда Жени, когда та перепугалась, услышав в ночи таинственный смех.

– Ну вот такая я везучая, – улыбнулась она в ответ – Нет, сейчас я понимаю, что не произошло ничего особенного, но тогда... В общем, я перепутала башни!

– Перепутала? В смысле? – Моник в недоумении подняла брови.

– Ага, представляешь, левую с правой! Сено-солома, и всё такое, – Женя хихикнула.

– Сено?! Солома?! Теперь я точно ничего не понимаю... – Моник отложила ложку и встревоженно посмотрела на подругу. – Ты хорошо себя чувствуешь?

До Жени дошло, что русское выражение, дословно переведенное ей на французский, звучит для мадам Бланшар, как тарабарщина.

– Ой, извини, я не сообразила, что тебе будет непонятно... Так говорят в России про тех, кто путает стороны. Это пришло из истории: раньше в армию часто призывали неграмотных крестьян, которые не знали таких слов, как «право» и «лево». Чтобы научить их строевому шагу на левую ногу и правую руку привязывали сено, на правую ногу и левую руку – солому. А команды отдавали не «левой – правой», а «сено – солома».

– О, как интересно! Никогда про это не слышала, – Моник улыбнулась и вернулась к своему супу. – А у нас детей, знаешь, как учат запоминать стороны?

Женя покачала головой, и тогда француженка изобразила обеими ладонями, будто держит бинокль, только большие пальцы были чуть заведены внутрь.

– Смотри, нужно сложить руками букву G. Правильная буква и укажет на левую сторону, потому что «лево» на французском как раз и начинается на букву G – gauche.

– Здорово придумано! – восхитилась Женя. – Ну так вот, возвращаясь к странной истории, что со мной произошла. Я тогда ещё плохо ориентировалась в отеле, и вместо жилой башни поднялась во вторую. Открываю дверь в свою комнату – а там разруха. Мебели нет. Пол вскрыт. Я тогда на полном серьёзе на несколько секунд задумалась, нет ли в замке привидений или ещё кого похуже! Особенно после твоих шуточек.

– Если только привидений недовольных постояльцев, – хмыкнула Моник и потянулась за брускеттой с тунцом. – Тела которых Люк прикопал на заднем дворе.

Женя оценила шутку, но всё равно ей стало не по себе. Люк и правда вызывал у неё неприятные ощущения. Этот его вечно мрачный взгляд исподлобья, подчёркнутая вежливость, чёрный костюм, потёртый на локтях и напоминающий похоронный.

– Да уж, Люк бы такое мог...

– Я одного понять не могу... – продолжила Моник. – Как ты вообще смогла попасть в правую башню? Там ведь дверь заперта! Как раз вот для таких, как ты, сено-солома.

– Было открыто, – Женя пожала плечами. – Может, кому-то понадобилось что внутри? Моник нахмурилась.

– Это очень странно. Но хорошо, что ты мне сказала. Я разберусь. Не хватало ещё, чтобы кто-то из постояльцев туда ненароком забрёл...

Стрелка настенных часов подобралась к двенадцати, и «цветочная гостиная» стала заполняться тихими разговорами и шорохом выдвигаемых стульев. Официантка принялась суетливо разносить тарелки.

Женя приветливо кивала коллегам, а потом пытливо взглянула на Моник:

– Так что всё-таки с той башней? Судя по состоянию помещений, там как будто ремонт идёт, но никаких рабочих я не видела.

Прежнюю беззаботную шутливость Моник как ветром сдуло.

– Башня на реконструкции. Не ходи туда больше, там опасно.

– А что..?

– Говорю же, на реконструкции. Ремонт там. Что до рабочих, так ты ж в выходные приехала. Суббота? Воскресенье?

– Действительно.

– Эжени, а что думаешь насчёт обуви? Стиль всегда начинается с правильно выбранных туфель. Это фундамент, на котором ты стоишь. Поэтому обновление твоего гардероба предлагаю начать именно с обуви. А потом зайдём...

Мелодичная трель телефона прервала наполеоновские планы, и Моник, едва взглянув на экран, выскочила из-за стола.

– Чёрт возьми! Это из Марселя. Я опаздываю!

– Хорошей дороги, – пожелала Женя ей вслед, но Моник уже скрылась в коридоре.

– А по мне так стиль – это образ в целом, и туфли там явно не на первом месте, – хмыкнула сидящая чуть наискосок от Жени девушка в кружевной белой блузке. Зелёные камни её элегантных серёжек игриво поблескивали в солнечных лучах, проникающих в окно, но как-то совсем не вязались с жёлтой керамической подвеской в виде жирафа на кожаном шнурке.

– Шмотки вообще не главное, – возразила ей кудрявая брюнетка, кажется Кларисса. Женя честно пыталась запомнить, кто есть кто, но пока большинство имён, фамилии и новые неизвестные слова сплелись в хаотичную мешанину.

– Главное, как себя подать.

– Это ты про своё декольте сейчас?..

С уходом управляющей отеля «цветочная гостиная» преобразилась до неузнаваемости: загудела разговорами, наполнилась смехом и звоном посуды.

«А при Моник обычно полушёпотом разговаривают и сидят прямо, будто жердь проглотили».

– Эжени, я случайно услышала обрывок вашей беседы, – Кларисса понизила тон и чуть подалась вперёд, едва не задевая пышной грудью тарелку. – Мадам Бланшар говорила о башне. Так она съезжает?

– Куда?

– В Экс, конечно. Она там часто задерживается...

– Мне об этом ничего не известно, – деликатно отгородилась от сплетен Женя. Хотя узнать про жизнь подруги было любопытно, но лучше уж она расспросит обо всём лично, чем обсуждать вот так, за спиной. – Сейчас мадам Бланшар уехала в Марсель, а не в Экс-ан-Прованс.

– Ой, ну это ж по работе. А я про другое. Мне показалось, что она собралась делать ремонт в своих апартаментах и уедет из башни.

– Нет. Речь не об этом была. Это я однажды заблудилась...

Пришлось ещё раз пересказать историю своих мытарств по замку. Девушки за столом охотно подхватили новую тему.

– Да не закончат они этот ремонт в ближайшие пару лет, точно вам говорю. Это просто повод закрыть правую башню от посетителей.

– Зачем? – непонимающе переспросила Женя.

– Из-за того несчастного случая. Ты не знала что ли? – Кларисса развернулась к Жене в предвкушении появления благодарного слушателя и понизила голос. – Там два года назад погибла мадам Роше, жена владельца отеля. При таинственных обстоятельствах, – многозначительно добавила она, поднимая брови.

– Какой ужас! – Женья отставила чашку, из которой как раз хотела сделать глоток. – Я и не знала, что мсье Роше был женат... – Она мучительно покраснела, словно пойманная на чём-то постыдном. – Я имею в виду... я гуглила информацию про отель... перед тем, как устроиться сюда на работу... в сведениях о владельце не упоминалась никакая трагедия...

– Конечно, не упоминалась. Такое пятно на репутации отеля, – фыркнула Кларисса. – Я сама устроилась сюда позже, но вот Мишель была лично знакома с мадам Роше, кажется, её звали Бертин, да?

Все за столом посмотрели на моложавую брюнетку лет сорока, которая, насколько Жене было известно, работала в бухгалтерии.

– Да, мы с Бертин неплохо ладили. Она была такая яркая, такая эффектная... Бедная девочка, жаль, что так всё вышло... – Мишель вздохнула.

Дверь открылась, и в гостиную вошла незнакомка в коротком джинсовом сарафане и в босоножках на высокой танкетке. На вид она была совсем юная, лет восемнадцать, не больше, но всем своим видом пыталась казаться старше. Впрочем, ярко накрашенные губы и подведенные глаза скорее прибавляли ей вульгарности, а не лет. Она тихо поздоровалась и присела к краю стола в ожидании официантки.

Аннет, блондинка с ресепшн, тут же повернулась в Жене:

– Эжени, ты уже знакома с Элен? Она, как и ты, новенькая, будет работать в музее.

«Элен? Та самая, которой отдали моё место в архиве?»

Моментально внутри вспыхнуло негодование, но Женья вежливо улыбнулась, не давая развиваться предвзятому отношению. В конце концов, если на кого-то и злиться, то на бабушку этой девицы, которая так не вовремя подсуежилась с трудоустройством внучки.

– Приятно познакомиться, Элен. Мадам Трюдо действительно упоминала про стажёра.

– Да, это вероятно про меня, – прощепетала Элен кукольным голоском и заправила за ухо светлую прядь, выбившуюся из чопорного пучка-ракушки. – Я учусь в университете Эксан-Прованса, но мне повезло устроиться сюда на практику.

«Повезло, как же!»

Когда со знакомством было покончено, обедающие предпочли вернуться к более интригующей теме.

– Я слышала, что мадам Роше училась вместе с будущим мужем, – закинула удочку девушка с жёлтым жирафом на груди. Женья так и не смогла вспомнить, как её зовут.

– Всё верно, на одном курсе с мсье Роше и, между прочим, с мадам Бланшар, – кивнула Мишель, помешивая кофе. – Но на разных факультетах. Бертин увлекалась живописью, училась на искусствоведа. Очень творческая была личность. Так креативно одевалась...

– Как интересно, – неожиданно прервала её Элен, – а можете поподробнее рассказать?

– Ну я деталей уже не помню, – добродушно усмехнулась Мишель. – В стиле, знаете, вольного художника. Балахоны с вышивкой по подолу. Серьги с тяжёлыми подвесками. То шарф, бывало, на голову повяжет, то браслеты на руки нанижет до локтей. Она как раз занималась росписью стен в башне, когда всё произошло.

– Творческие люди, они всегда со странностями, – авторитетно заявила Аннет. – Вот взять хотя бы нашего мсье де Гиза... Эмоции бьют через край, бешеная харизма!

– Да-да, мне говорили, что мадам Роше обладала взрывным темпераментом, – подтвердила Кларисса. – Особенно после свадьбы это ярко проявилось – ревнивые скандалы, подозрения, истерики, мания преследования...

– Неудивительно, что мадам Роше ревновала, ведь мсье Роше – такой красавчик... – мечтательно произнесла Элен, подперев рукой подбородок. – Он вёл у нас как-то факультатив по истории. Все девчонки в группе по нему с ума сходили.

«Красавчик?! Что у этой Элен в голове... Нет, Роше, несомненно, интересный мужчина, но уж назвать его красавчиком... с его резкими чертами лица и суровым взглядом...»

– Ну это сплетни всё, насчёт ревности, – одёрнула девушку Мишель. – Мсье Роше – порядочный человек, он не стал бы обманывать собственную жену.

– Может и не в ревности дело, а в каких-то других проблемах... – вставила всезнающая Кларисса. – Это, конечно, только слухи, но расследование того несчастного случая очень быстро прекратили, как будто трагедия произошла не по недосмотру кого-то из строителей, а Бертин сама... ну вы понимаете.

За столом воцарилось тяжёлое молчание. Никто не хотел произносить вслух слово «самоубийство», но думали именно об этом.

– Всем доброго дня и приятного аппетита! – скрипучий голос мадам Трюдо разрушил чары, и девушки, бормоча ответные приветствия, склонились кто над тарелками, кто над чашками. Больше тему таинственного происшествия в правой башне за обедом не поднимали. Никто не хотел получить жёсткую отповедь пожилой смотрительницы музея, ненавидевшей досужие сплетни.

Остаток дня Женя провела в предвкушении шопинга. Если задуматься, то это, пожалуй, был первый раз, когда у неё появилась возможность свободно и в своё удовольствие походить по магазинам, да ещё и в компании со интересной и стильной француженкой, и выбрать именно то, что хочется, в разумных пределах, естественно, но зато не на рынке или по уценке.

Закончив все запланированные на сегодня дела, она с удовлетворением потянулась и захлопнула ежедневник. Часы подтверждали, что рабочий день подошёл к концу, задерживаться сегодня никакой необходимости не было. Так что Женя выключила компьютер и теперь тенью следовала за мадам Трюдо, пока та по очереди запирала все залы музея.

Так происходило каждый раз: скрип дверей, звяканье ключей и ворчание смотрительницы. Музейные залы словно засыпали на время, ожидая новых посетителей. Но Женя знала, что уже на будущей неделе в одну из ночей музей оживёт, наполняясь звуками ритмичных песнопений, шёпотками зрителей и речитативом актёров.

Гостям нравился интерактивный антураж, но мсье де Гизу этого было мало. Он генерировал идеи одну за другой, порой безрассудные, неосуществимые или очень затратные. Если бы Моник, с которой он охотно делился, его не осаживала, музей, наверное, уже превратился бы во второй Мулен Руж.

Вдруг по залу метнулась черная тень и скрылась в пыточной, махнув напоследок пушистым хвостом. Женя удивлённо проводила его взглядом.

– Мадам, при музее что, живёт кот?

– Какая глупость! Кошки, они же... пахнут! – брезгливо понизив голос, сообщила смотрительница.

– Но я только что видела, как в пыточную проскользнул чёрный котик... – растерянно пробормотала Женя.

– Что?! Откуда он тут взялся? – мадам всполошилась, как будто кот покусился на святое, на полынную настойку в сейфе. – А вдруг он там нагадит?

Старушка всплеснула руками и поспешила на поиски мерзопакостного существа. Они потратили пятнадцать минут, осматривая все экспонаты, но кота и след простыл. Словно растворился в воздухе.

– Ну, знаете ли, мадам Арно, – наконец проворчала смотрительница. – Какая безвкусная шутка с вашей стороны!

– Но я видела... – Трюдо полоснула по Жене таким гневным взглядом, что та покорно кивнула: – Вероятно, показалось. Прошу прощения, мадам.

Вежливо распрощавшись с коллегой, Женя вернулась в свой номер и перебрала нехитрый гардероб.

«Моник права, это никуда не годится».

Но спускать всю первую получку на одежду Женя не хотела. Она бы вообще предпочла отложить аванс или хотя бы его часть, чтобы в случае чего не остаться без средств в чужой стране. И потом оставалась нерешённой ситуация с дядей Костей. Мысли о нём отступали днём, но к ночи, когда работа оставалась позади и было полно времени для размышлений, совесть поднимала голову и навязчиво брюзжала, порой вынуждая Женю со слезами утыкаться в подушку. Без её зарплаты дяде наверняка приходится туго. Но что с этим делать, Женя пока не придумала.

«А вдруг Моник меня в дорогуций бутик заведёт?»

Решив, что всё же лучше обсудить эту тему в стенах номера, чем потом неловко мяться в фешенебельном магазине, Женя вышла на лестницу и спустилась на один пролёт. Моник занимала апартаменты второго этажа башни, и, судя по единственной двери на площадке, весь этаж был в её распоряжении.

Дверь была чуть приоткрыта. Женя трижды стукнула костяшками пальцев по тёмному дереву.

– Можно?

Не дождавшись ответа, она шагнула в прихожую.

– Моник? Это я, Эже...

Из под огромной двустворчатой двери, очевидно ведущей в спальню, валил сизый дым.

– Что..? – знакомый ненавистный запах гари тут же проник в лёгкие. – О боже!

Она высунулась в коридор и крикнула:

– Эй! Кто-нибудь! Пожар!

За спиной что-то гроыхнуло, а следом Женя услышала полный отчаяния крик:

– Эжени!

Она дёрнулась, порываясь броситься обратно, но ужас парализовал все её движения. Женя так и замерла на пороге, не решаясь ни убежать за помощью, ни зайти внутрь. Воображение рисовало комнату за закрытыми дверьми, так похожую на её, этажом выше, но объятую языками пламени. Мелкие цветочки на обоях потемнели, пошли волнами и начали тлеть. Тяжёлые занавески тоже уже занялись, и оранжевые языки пламени жадно лизали податливую ткань.

– Я просто открою дверь... просто выпущу дым, чтобы было легче дышать... – бормотала она чуть слышно, уговаривая саму себя.

Наконец ей удалось перебороть первоначальную панику, и Женя двинулась вперёд, закрывая рукавом нос и останавливаясь после каждого шага. Судорожно подёргала за нагретые латунные ручки, но они не поддались.

– Моник! Ты меня слышишь?!

В ответ раздался хриплый кашель:

– Эжени!

10. Конфуз с котятми

Женя сидела на узкой софе, подогнув под себя ноги и обняв декоративную подушечку из бежевого велюра. Стыд, смешанный с тревогой, жёг щёки не хуже того пламени, которое ей привиделось.

«Что теперь? Меня опять уволят?..»

Моник открыла створки окна, и ветерок легонько всколыхнул её безукоризненную причёску, а затем добрался до Жени, обдавая свежестью и благоуханием лилий, что в изобилии росли у подножия башни.

– Всё в порядке, – Люк вышел из спальни. – Возгорания нет.

Француженка закатила глаза:

– Говорила же! Лучше бы воды подал, – кивнула она на минибар под столом.

– Я должен был убедиться, мадам Бланшар. – Люк отвинтил крышку и подал бутылочку минералки Жене.

– Спасибо.

Голос прозвучал сдавленно. Она протянула руку и взглядом невзначай скользнула по кисти парня, отмечая длинные, как у пианиста, пальцы. На коже его запястья мелькнула татуировка – похожая на стрелу, у которой с одной стороны был обломан наконечник, а с другой – оперение. Тринадцатая руна «Эйваз». Хоть Женя ещё не окончательно пришла в себя после приступа, значение символа моментально всплыло в её голове – «Воплощение энергии жизни и смерти». Была ещё какая-то надпись, но разобрать слова не получилось. Люк, спешно одёрнув рукав, повернулся к хозяйке апартаментов:

– Мадам Арно кричала о пожаре...

– Тебе послышалось, – отрезала Моник.

– Но я точно...

– Люк! Возвращайся на своё рабочее место!

Парень стал ещё мрачнее, но всё же сухо кивнул.

– Проверить он должен был, как же! – недовольно скривилась Моник, когда за ним закрылась дверь. – У нас везде датчики стоят. Случись пожар, весь отель бы уже знал об этом. Наверняка этот малохольный умыкнул что-нибудь из моего белья, пока, якобы, проверял.

Женя удивлённо вскинула брови:

– Да зачем ему это?

– А потому что придурок. Ни капли не удивлюсь, если ещё и извращенец. Ты разве ничего странного за ним не замечала?

– Ну он немного хмурый.

Моник скептически усмехнулась.

– Давно бы его уволила. Но, увы, не могу. Его мать работает в университете Экса, там же где и мсье Роше. Устная договоренность, понимаешь?

– Видимо, это у вас частая практика, – вырвалось у Жени.

– Что ты имеешь... Ах, ты об Элен. Тебе уже разболтали? Вот сплетницы! Ладно, Эжени, – вздохнула Моник и присела на край софы, – а теперь давай на чистоту. Что за представление ты устроила?

Несчастливая подушка совсем сплюснулась от того, с какой силой Женя её сдавила.

«Меня уволят! Моник наверняка расскажет Фабрису. Тамара Владимировна вот уволила за такое... А может соврать что-нибудь? Но что?»

– Эжени, – Моник взяла её за руку и пылливо посмотрела в глаза, словно читая мысли, – мне нужна правда.

«Провалиться бы на месте... Ой нет, снизу апартаменты мсье Роше. Вот был бы конфуз».

Эта мысль даже позабавила, слегка разбавляя скопившееся напряжение.

– Пирофобия, – со вздохом призналась Женя. – Иногда у меня случаются панические атаки.

– Боязнь огня?

Женя кивнула и через силу продолжила:

– Моя мама... понимаешь... – Слова словно застряли в горле, и приходилось их с силой выталкивать. – Она погибла при пожаре, когда мне было пять.

– О, дорогая, мне так жаль... – Моник сочувственно жала её плечо.

Женя тут же торопливо добавила:

– Приступы случаются редко! Честно! Почти никогда! Только если эмоции... переживания... Понимаешь? Переезд, другая страна, новая работа – да вся моя жизнь изменилась! Сплошной стресс. А тут у тебя все стены...

Женя бросила взгляд исподлобья на картины: девушка, танцующая в языках пламени; любовники, окружённые огненными искрами; подросток, раскинувший руки, словно горящие крылья... Апартаменты Моник напоминали художественный зал Эрмитажа или Лувра, куда по чистой случайности затесалась прочая мебель.

– О, это работы моей подруги. Её больше нет. Теперь Бертин живёт в наших сердцах и в своём творчестве, – с грустью произнесла француженка.

«Опять Бертин? Та же самая? Покойная мадам Роше?»

Впрочем, Моник почти сразу же оживилась:

– Кстати эта потрясающая коллекция называется «Феникс». Ты не представляешь, чего мне стоило её отвоевать. Картины выставлялись во всех галереях Марселя, не говоря уж об Эксе.

— М-м-м...

«Наверное, следовало бы сказать, что круто нарисовано».

Но лесть никак не желала срывать с губ, потому что Женя не чувствовала никакой «крутости». Картины, возможно, мог бы оценить кто-то другой; возможно и сама Женя нашла бы их великолепными, если бы не...

Пирофобия гнала её прочь из этих комнат, пышущих пламенным искусством.

– И что теперь? – робко спросила Женя, намекая на случившееся. Она уже приготовилась к любому исходу, лишь бы скорее уйти отсюда.

– Как что? – Моник поднялась с софы, расправляя складки на блузке. – По магазинам, как и планировали.

– Но... А...

– Сейчас я быстренько переоденусь, захвачу сумочку и помчимся штурмовать Экс! – задорно подмигнула француженка, будто неприятного инцидента не было и в помине.

Моник не стала возмущаться и ругаться, не полезла в душу с расспросами, и, похоже, не планировала жаловаться Фабрису. Тёплое чувство благодарности охватило Женю, а губы тронула улыбка.

– Моник, я подожду тебя в лобби, хорошо?

– Ага, – донеслось уже из спальни.

Выходя из «огненной» гостиной, Женя нервно передёрнула плечами.

Ярко-красный «Пежо» неслось по трассе так, будто до закрытия бутиков оставалось две минуты. Слева тянулись стройные ряды лавандовых кустов. Одно дело видеть такое на фото-

графиях в интернете, другое – живую. Приоткрыв окно, Женя полной грудью вдыхала ароматы благоухающих цветов, наслаждалась видами Прованса, поражающего в это время года сочными пурпурно-фиолетовыми оттенками.

Минут через пятнадцать они въехали в город. Четырёхэтажные домики Экс-ан-Прованса, покрытые желтоватой штукатуркой, по трещинам в которой взбирался плющ, тесно жались друг к другу. Порой улочки казались такими узкими, что Женя вскрикивала:

– Мы там застрянем! Стой!

Но Моник лишь хохотала в ответ и давила на газ. Её автомобиль абсолютно не вписывался в атмосферу средневековой старины, которой дышал город. Женя неустанно делала фотографии из открытого окна, чтобы потом переслать Максусу. Все просьбы остановиться у того или иного здания, Моник игнорировала.

– Зачем тебе эта рухлядь? Столько веков стояла и ещё простоит. Успеешь налюбоваться!

– Но куда мы так торопимся?

– Запомни, Эжени, шоппинг ждать не может.

– Да почему?

– Потому что я заказала столик в «Le bouche à oreille». Это лучший ресторан в городе, где готовят умопомрачительный буйябес. Поверь мне, быть в Провансе и не попробовать наш знаменитый рыбный суп – это просто преступление! Так что у нас всего полтора часа на покупки. Катастрофически мало.

В этом вопросе Женя с Моник была не согласна, но спорить, конечно, не стала.

Спустя час, когда Женя обзавелась несколькими пакетами с обновками и уже взмолилась о пощаде, Моник практически силой затащила её в бутик нижнего белья.

– Ты во Франции, а значит тебе нужно французское шёлковое бельё! – безапелляционно заявила она.

– Но я не планировала... – смутилась Женя и украдкой проверила баланс на карте.

«И так уже превысила запланированный лимит».

– Не стесняйся, давай что-нибудь тебе подберём! Как насчёт вот этого? – Она нежно погладила полупрозрачное светло-голубое бюстье, демонстрирующее практически все прелести манекена.

– Я такое в жизни не надену! – Женя вспыхнула до корней волос.

– Почему? У тебя хорошая фигура... – искренне удивилась Моник. – Согласна, это не на каждый день. Но вдруг ты встретишь кого-то...

Женя поспешно отвернулась, сделав вид, что заинтересовалась чем-то на соседней витрине. Всё ещё изнемогая от неловкости, она невидяще уставилась перед собой и автоматически взялась за один из висящих комплектов.

– Тоже неплохой выбор! – раздалось из-за плеча, и Женя отдернула руку, когда осознала, что дотрагивается до кремовых кружевных трусиков, тончайших словно паутинка. – Предпочитаешь стринги?

Моник внимательно разглядывала комплект, судя по всему прикидывая его на себя. Женя мысленно досчитала до пяти и решила сказать, как есть. Пусть лучше она сейчас выставит себя дурой, чем когда дело дойдет до примерочных...

– Я... э-э-э... не обижайся, Моник, но я так не могу. Выбор белья – это слишком интимно для меня. Давай лучше встретимся у кассы?

– О, извини... – француженка удивилась, но быстро совладала с собой. – Я даже не подумала, что... Да-да, конечно, как скажешь, встретимся позже. И не торопись, я пока примерю вот эту прелесть...

Мурлыкая себе под нос, Моник взяла кремовый комплект, который только что держала Женя, прихватила ещё парочку и направилась в сторону примерочных.

Наконец шопинг подошёл к концу, и девушки отправились отмечать его завершение ужином. Ресторан, к которому они приехали, манил аппетитными запахами и гулом голосов. Официант проводил их к одному из столиков на свежем воздухе и, вручив меню, откланялся. Стулья стояли прямо на старинной брусчатке из булыжников, отполированных ветрами, дождями и временем, и казались оттого неустойчивыми, поэтому Женя садилась с осторожностью. Но на удивление ничего из мебели не шаталось. Под плотным бордовым навесом весело светились гирлянды фонариков, а из динамиков лилась легкомысленная французская мелодия.

Женя вздохнула.

«Как вся эта атмосфера беззаботности и дружелюбия отличается от Самары. А ведь я могла бы вырасти здесь...»

– Эжени? – вторглась в мысли Моник. – Чего грустишь? Устала?

– Немного, – Женя растянула губы в улыбке, не желая разочаровывать француженку, и открыла меню: – Так, ну и где тут у вас легендарный рыбный суп?

Сделав заказ, Моник уставилась на Женю с коварной улыбкой.

– Что?

– Эжени-и-и, – загадочно позвала девушка. – Я видела, ты что-то купила в последнем бутике. И не отстану от тебя, пока ты мне не покажешь, что именно ты выбрала!

– Моник! – Женя округлила глаза. – Не здесь же!

– Ой да брось, – она лишь отмахнулась. – Никому нет до нас дела. Давай же! Доставай скорее!

Женя украдкой огляделась по сторонам и поняла, что Моник права. Люди вокруг были увлечены своими собеседниками или содержимым собственных тарелок, в их сторону никто не смотрел. Решившись, она наклонилась к одному из бумажных пакетов, которые они составили под столик, и вытащила новенький комплект белья.

Не шелковый. Не кружевной. Не полупрозрачный. И вполне классического дизайна. Тонкий батист нежного лавандового оттенка больше подошёл бы девочке-подростку. Тем более, что на трусиках красовалась умильная мордашка котёнка и два отпечатка лап.

Лицо Моник приняло озадаченное выражение.

– Это что, из детского отдела? Ты купила кому-то в подарок?

– Нет, – буркнула Женя, уже понимая, что совершила непростительную ошибку, согласившись продемонстрировать покупку. – Я купила это для себя. Потому что я люблю котиков. И с недавних пор лавандовый цвет.

– Но, Эжени... – растерянно произнесла подруга. – Это же совсем не сексуально... И потом тебе же не двенадцать лет! Это кто-то из продавцов тебе посоветовал, да? Наверняка решил сбавить залежалый товар!

Женя приготовилась защищать неизвестных ей продавцов, а заодно и своё право на собственный выбор, когда внезапно случилось то, чего она и боялась.

Из-за её спины раздался низкий мужской голос с лёгкой хрипотцой:

– Хм... милый котёнок!

Дальше всё произошло одновременно. Женя в панике стала запихивать бельё в один из пакетов, стул качнулся, и его ножка соскользнула с булыжника, на котором стояла. Злополучный предмет мебели стал заваливаться, и невезучая девушка, что на нём сидела – вместе с ним. Мужские руки поймали её сзади, придерживая одновременно и спинку стула, не позволяя упасть. Женю окутало ароматом мужского парфюма с нотками бергамота и чего-то хвойного. Неожиданно закружилась голова. Сердце сорвалось в галоп. Несколько томительно долгих мгновений горячие руки незнакомца, которого она так до сих пор и не увидела, словно прожигали купленную полчаса назад новую футболку и рассылали по телу мириады мурашек. Затем Женю деликатно вернули в устойчивое положение вместе со стулом, а Моник расплылась в улыбке и проворковала:

– Эдуар, ты как всегда вовремя!

Незнакомец сделал пару шагов вперёд, наклонился и поцеловал француженку в щёку. Затем чуть повернул голову, бросил в сторону Жени раздражённый взгляд и поинтересовался вежливым, но холодным тоном:

– Вы не ушиблись, мадам? Всё в порядке?

Теперь она видела, что перед ней стоит не кто иной, как мсье Эдуар Роше, владелец отеля Шато Д'Эпин и экс-супруг покойной любительницы фениксов.

Фотографии в сети не лгали. Резкие черты лица мужчины в сочетании с густыми чёрными бровями придавали его облику мрачную строгость. Из-за тёмных, чуть вьющихся волос, небольшой щетины и смуглой кожи мсье Роше можно было принять за испанца. Светлым в нём была разве что кипенно-белая рубашка под чёрным пиджаком костюма.

Да, фотографии не лгали. Однако ни одна из них не могла передать того демонического взгляда, которым он окинул Женю. Складывалось впечатление, что мсье Роше чем-то недоволен, хоть Женя и не могла бы точно определить, как это поняла. Может, дело было в напряжённом повороте головы, или в двух вертикальных морщинках, что залегли между бровей. А может, всё дело в том, как угрюмо были поджаты его губы.

Она, наверное, вовсе бы не удивилась, если бы мсье Роше вдруг сорвал с себя галстук, распахнул пиджак, выхватил из ножен шпагу и с криком «На бордаж!» набросился бы на неё, словно заправский средиземноморский пират.

Шпаги, конечно, никакой под пиджаком не имелось. Чего нельзя было сказать о чувстве неловкости, что парализовало Женю. Мурашки не унимались, биение пульса отдавалось в ушах.

«Чем он так недоволен? В чём я успела провиниться? В том, что посмела раскладывать нижнее белье на глазах у почтенной публики? Или в том, что вообще дышу воздухом Прованса без его на то позволения?»

Нервно стиснув ложку, Женя сглотнула и зачем-то ответила на его дежурный вопрос, внезапно выпалив:

– Всё было бы в порядке, мсье, если бы вы не подкрадывались сзади, – её голос позорно задрожал, – и не заглядывали людям через плечо!

Мсье Роше удивлённо поднял брови. А Жене тут же захотелось стукнуть себя ложкой по лбу за дерзость.

– Считаете, это я виноват, что ваш стул накренился?

– Считаю!

«Господи, что я несу?!»

Женя сама не понимала, что на неё нашло. Цвет её щёк уже, наверное, сравнялся по цвету с пунцовым навесом. Шея и уши горели. А мужчина невозмутимо перевёл взгляд на Моник:

– Разве можно таким колючкам продавать трусики с котятками? Там должен быть нарисован как минимум огнедышащий дракон!

«Шёл бы он со своими драконами в... куда он шёл вообще? Вот пусть туда и идёт! Дались ему котятки!»

Мадам Бланшар прыснула и метнула на Женю укоризненный взгляд.

«А я-то что? Это он обзывается! Колючка... На себя бы посмотрел, небритый, как... заросли боярышника в его отеле!»

– Эжени, ну что ты в самом деле... – Затем она снова обратилась к другу, явно пытаясь замаять неловкую ситуацию: – Не думала, что увижу тебя.

– По пятницам мы всегда ужинаем здесь.

– Ой, а уже пятница, не четверг разве? Совсем я замotalась... – Она сделала приглашающий жест рукой. – Присядешь?

«Не присядет! Он уже уходит!»

Но мсье Роше отодвинул стул. Едва уловимое движение руки и официант тут же материализовался рядом и услужливо подал меню. Моник улыбнулась и повернулась к Жене:

– Это наш с Эдуаром любимый ресторан.

Затем снова перевела взгляд на мужчину и подмигнула:

– А я решила сразу познакомить новую коллегу с правильной кухней. Так ты не один?

– Пока один. Заехал за ужином.

Не глядя в меню, мсье Роше назвал несколько блюд и попросил упаковать с собой. Официант было принялся лебезить, рассказывая о том, что в ресторане есть служба доставки на такие случаи. Чтобы уважаемые мсье не тратили время... Поток слов был оборван одним лишь кивком головы. И парнишка, едва ли не кланяясь, убежал выполнять заказ.

В повисшей тишине Моник, видимо, решила, что настал подходящий момент познакомиться присутствующих друг с другом.

– Эжени, это мсье Эдуар Роше, владелец отеля, в котором ты теперь работаешь. Эдуар, это новая подопечная Фабриса, Эжени Арно. Специалист по всем этим вашим ведьмовским перформансам. Она выросла в России, а её дядя экстрасенс, представляешь?

– Как интересно, – произнёс он, не повернув головы.

И весь его облик так и кричал: «Какая разница, чёрт возьми, из России эта пигалица или нет? Мне нет до неё никакого дела».

Женя оторопела от такого неприкрытого пренебрежения.

«Похоже, сегодня великолепный мсье Роше не в настроении одаривать своих подданных вниманием».

Однако, ничем не оправданная резкость играла ей на руку. Очевидно, что они не понравились друг другу с первого же взгляда, и теперь Женя не была скована взаимными вежливыми обязательствами. Хотя, надо признаться, такая эксцентричность её отчасти даже заинтриговала. Стало интересно, как он будет себя вести дальше. Однако, «дальше» не случилось. Эдуар сидел практически молча и абсолютно неподвижно, словно истукан, пока Моник болтала про чудесную погоду, общих знакомых и дела в отеле. И только когда разговор зашёл про музей, он немного разморозился и произнёс, пристально глядя на француженку:

– У Фабриса новая идея.

– Не удивлена, – пожала плечами Моник. – Он фонтанирует ими, как бутылка шампанского, которую хорошенько встряхнули. Что на этот раз?

– На этот раз я дал своё согласие, – мужчина чуть откинулся на спинку стула, на его запястье блеснул круглый циферблат часов.

Дядя Костя говорил, что по форме наручных часов можно составить первое впечатление о человеке. В голове Жени нудный голос экстрасенса тут же стал перечислять характеристики любителей круглых циферблатов.

– Уверенный.

«Даже слишком».

– Целеустремлённый.

«Угу, вижу цель – не вижу препятствий».

– Коммуникабельный.

«Что-то непохоже...»

– Затея обещает быть интригующей и прибыльной, – мсье Роше выдернул Женю из мыслей. Хотя обращался вовсе не к ней, а к Моник. – Фабрис может перейти черту, ты знаешь, и превратить всё в балаган, – он поморщился. – Присмотри за ним.

– Как и всегда, мой дорогой, как и всегда, – Моник покровительственно похлопала мужчину по руке, лежащей на столике. – Так что за идея?

– Ночные мероприятия теперь будут проходить не только в пыточной, но и под открытым небом. Я отдал Фабрису сгоревшую деревню.

– Оу, – округлила глаза француженка. – Но там остался более менее целым только каменный дом барона Сен-Мара.

– Именно.

– Но Эду...

– Обугленные развалины. Ни к чему спорить, вопрос уже решённый.

– Ну, если ты уже всё решил, то действительно, спорить бесполезно. – Моник кивнула и спешно нацепила улыбку. – Тогда предлагаю заказать по бокалу Шабли. Отметим прогрессивное начинание? Заодно и расскажешь, что именно вы планируете делать в сгоревших развалинах.

– Не мы, а она.

Женя замерла, так и не выловив креветку из почти остывшего супа.

– Я?!

– Вы же специалист по ведьмовству. Вот и докажите, что не зря занимаете свою должность.

– Но я не... – начала было Женя, но мсье Роше обжёг её таким яростным взглядом, что она подавилась словами, которые собиралась произнести: что она вовсе не специалист по ведьмам, а просто договаривается с исполнителями; и вообще только до сентября на этой должности должна работать, а потом ждёт её родимый пыльный архив, а мероприятия кто-то другой пусть организывает, тем более с таким отношением.

Официант принёс заказанные блюда, упакованные в фирменные пакеты ресторана, мсье Роше расплатился, церемонно расцеловал свою подругу, сухо кивнул Жене и быстро ушёл.

А вот Женя так и не смогла пошевелиться, застыв в безмолвном ужасе.

«Ночные представления в развалинах старинного сгоревшего дома?! За что мне это, Вселенная...»

11. Ночной перформанс

– У-у, Фабрис! Додумался же! – возмущалась Моник, вырulingая на трассу. – Да, доходность от экскурсий по развалинам невысокая, но всё же превращать историческую ценность в цирк... И как только Эду согласился!

– За столом мне показалось, что ты не против.

– Эжени, запомни, если мсье Роше что-то решил, то всё. Реки должны повернуться вспять – может тогда он передумает. Спорить бесполезно. И ещё, – она многозначительно посмотрела на Женю, отвлекшись от дороги, – я абсолютно не понимаю, что на тебя нашло. Он же владелец отеля, твой работодатель. Твоё поведение непрофессионально! И просто некрасиво.

– Угу, – Женя отвернулась к окну, за которым сгустились сумерки и зажигались придорожные фонари. Она тихо буркнула по-русски: – А исподтишка разглядывать моё бельё – это прям верх профессионализма со стороны руководства.

– Что?

– Говорю – сожалею. Неловко вышло.

– Эжени-и-и, – позвала француженка.

– Ну что?! – Женя резко повернулась к ней, и не выдержав навалившихся эмоций, выпалила: – Да, я стесняюсь! Да, я не привыкла выставлять своё бельё напоказ! И да, мне совершенно не понравился мсье Роше. Он беспардонный и злой!

– Да, сегодня он был не в духе, но зато как всегда красивый.

– Вовсе нет! Мрачный испанский пират.

– А какой взгляд...

– Демонический!

– Эду такой сильный, поймал тебя, не дал упасть – подначивала Моник елейным голосом.

– У меня от его хватки синяки на плечах останутся. Дурацкая брусчатка, дурацкий стул, дурацкие трусы!

– Так я сразу говорила, что надо было кружево брать.

– Да при чём здесь кружево?! Ты слышала вообще, что он сказал? Назначил меня специалистом по ведьмовству! Спасибо, хоть не верховной ведьмой!

– А мысль интересная, – француженка хохотнула. – Предложу Фабрису.

– Моник! – простионала Женя. – Зачем ты вообще заявила, что я «специалист по ведьмовским перформансам»?! Я же просто... организатор...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.